This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HDI
HL 1RLL 2

SHEFFER

СРЕДИ АРЕСТАНТОКЪ

1907

RUS
985.8
SHE

HARVARD
LAW
LIBRARY

A 7

985

МАРІЯ ШЕФФЕРЪ

СРЕДИ АРЕСТАНТОКЪ

ИЗЪ ТЮРЕМНОЙ ЖИЗНИ

A7
Sheffer, M
Sredi arestantok

C

Марія Шеффферъ.

Среди арестантокъ.

(Очерки тюремной жизни).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Ш. Буссель“, Мытнинская наб. № 9.
1907.

RUS

Fig. 9.

Среди арестантокъ.

(Очерки тюремной жизни).

I.

Въ одинъ февральскій день, когда въ сѣверозападномъ городѣ Вильна уже пахло весною, меня потребовали къ полицмейстеру, который объявилъ мнѣ, что получено рѣшеніе по моему дѣлу, и что мнѣ предстоитъ высылка въ одну изъ отдаленныхъ губерній. Съ этого момента я считалась уже арестованною.

Событіе это для меня отнюдь не было сюрпризомъ. Я давно знала, что дѣло близится къ концу; мнѣ заранѣе былъ извѣстенъ даже приговоръ, для санкціонированія котораго требовались лишь еще нѣкоторыя формальности. Какъ ни быстро у меня произошелъ переходъ къ потерѣ свободы, но я была къ нему подготовлена и ждала его безъ особенной тревоги. Подавляющая неопредѣленность переходнаго положенія, невыносимо гнетущія внѣшнія условія, чуждая обстановка и чуждая среда, мрачныя обстоятельства личной жизни—все это дѣйствовало такъ мучительно тяжело, что являлось страстное желаніе какого-нибудь выхода изъ состоянія щемящей душу тоски, чувствовалась потребность въ какой бы то ни было перемѣнѣ, способной обновить впечатлѣнія и пробудить надежду на иную жизнь, хотя-бы для начала пришлось попасть въ столь неудобное и непріятное мѣсто, какъ тюрьма. Сверхъ того, тюрьма не была для меня новинкой. Воспоминанія мои о послѣднемъ мѣстѣ заключенія, въ которомъ я

провела нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ и гдѣ я чувствовала себя очень хорошо, были весьма выгоднаго характера (особенно по контрасту съ другою тюрьмою, мѣстомъ «плача и скрежета зубовнаго», гдѣ я до того содержалась нѣкоторое время). Я еще тогда не знала, какъ велика пропасть между «фешенебельными» тюрьмами столицъ и немногихъ большихъ городовъ и возмутительными тюрьмами въ провинціи, которыхъ не показываютъ ни посланникамъ, ни ученымъ криминалистамъ, ни вообще «знатнымъ иностранцамъ»; испытавъ прежде лишь одиночное заключеніе, я не имѣла ни малѣйшаго представленія о режимѣ и правилахъ, существующихъ въ общихъ камерахъ. Теперь судьбѣ угодно было ознакомить меня практически съ новыми сторонами тюремнаго быта.

Итакъ, я была арестована. Путь мнѣ предстоялъ довольно далекій. Мнѣ позволили отправиться, въ сопровожденіи городового, домой, чтобы собрать свои вещи. Когда все было уложено, и я простилась съ знакомыми, меня отвезли въ тюрьму.

Учрежденіе, въ которое я направлялась, находилось на краю города и оффиціально носило названіе «женской тюрьмы», хотя, въ качествѣ пересыльной тюрьмы, оно служило для арестантовъ обоего пола. Зданіе, въ которомъ помѣщалась тюрьма, нѣкогда было католическимъ монастыремъ и перешло къ казнѣ послѣ возстанія 1863 года. Зданіе было одноэтажное, окруженное низкимъ каменнымъ заборомъ, изъ-за котораго на улицу виднѣлась только крыша тюрьмы. Въ концѣ забора стоялъ запустѣвшій костелъ, къ которому примыкалъ большой садъ, также заброшенный, выходившій на другую улицу. Прямо изъ тюремнаго двора былъ одинъ входъ въ костелъ; входъ этотъ прежде предназначался для монахинь, между тѣмъ какъ обыкновенная публика входила въ костелъ черезъ садъ.

Меня ввели въ страшно грязную, вонючую комнату, которая составляла переднюю часть такъ называемой конторы и

служила для обысковъ и переодѣванія арестантовъ; тутъ же происходили свиданія, тутъ защитники объяснялись съ своими кліентками, здѣсь совершалось все то, что предшествуетъ заключенію, а также и то, что слѣдуетъ за нимъ. Слѣдующая комната была уже конторой въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ тамъ сидѣлъ писарь и что-то строчилъ; двѣ двери вели оттуда въ квартиру смотрителя, ребята котораго то и дѣло сновали въ конторѣ. Единственную мебель въ первой комнатѣ составляли большой столъ, а сзади него, у оконъ, противъ дверей — коротенькая скамейка. У противоположной стѣны стояло человѣкъ пять арестантовъ, переодѣвавшихъ бѣлье. Тутъ были смотритель, старшій надзиратель и еще нѣсколько человѣкъ.

Картина переодѣванія заставила меня отшатнуться, и я вышла въ сѣни. Мое отсутствіе было замѣчено только тогда, когда всѣ вышли. Старшій надзиратель куда-то увелъ арестантовъ, а смотритель остался ждать вмѣстѣ со своими гостями. Когда старшій надзиратель вернулся, смотритель немедленно распорядился въ какую камеру меня отвести. Его строгое приказаніе, нахальное, красное лицо и взглядъ, которымъ онъ меня окинулъ, не предвѣщали ничего хорошаго. Еще не успѣла я перейти за порогъ этой тюрьмы, а мнѣ хотѣлось уже поскорѣе изъ нея вырваться, и я инстинктивно спросила, когда меня отсюда отправятъ. Отвѣтомъ тюремнаго администратора съ звѣреобразнымъ лицомъ было лаконическое «не знаю». Вслѣдъ за тѣмъ всѣ удалились, кромѣ старшаго надзирателя. Этотъ послѣдній, согласно установившемуся тюремному ритуалу, обыскалъ мои карманы, впрочемъ «не очень строго», такъ какъ смотрителя при этомъ не было. Послѣ того, какъ я, по его совѣту, передала ему свои деньги и большую часть вещей, оставивъ лишь при себѣ самое необходимое, мы вышли на тюремный дворъ, пройдя который вступили въ отгороженный деревяннымъ заборомъ небольшой дворикъ, входившій въ составъ собственно женской тюрьмы. Со

всѣхъ сторонъ можно было различить за окнами смотрѣвшія съ любопытствомъ лица. Войдя въ маленькій корридорчикъ, мы очутились передъ запертою на замокъ камерою, къ двери которой была прибита дощечка съ надписью: «№ 1, пересыльная, 23 человѣка». Когда дверь была открыта, изъ камеры повалилъ паръ, заслонившій все передъ моими глазами. Впустивъ меня, надзиратель заперъ за мною дверь и ушелъ, не сказавъ ни слова.

Я чувствовала, какъ у меня кружится голова отъ страшно ѣдкаго запаха. Въ камерѣ царила тишина; слышно было только, что мнѣ откуда-то кричатъ: «пожалуйте». Я пошла на этотъ зовъ, положила свои вещи на нары и сѣла. Первый разъ въ жизни я очутилась въ общемъ заключеніи съ уголовными арестантками, и я съ любопытствомъ стала осматриваться кругомъ.

Камера была небольшая, въ два окна. Налѣво отъ дверей, вдоль стѣны, тянулись нары, а за парами въ углу стояла печка. Съ правой стороны было свободное окно; здѣсь, въ углу, стояла кадка съ водою, а на ночь ставилась «парашка». За промежуткомъ около окна, были придѣланы нары къ стѣнѣ и съ этой стороны, причемъ второе окно находилось надъ нарами у противоположнаго края. Были сумерки. Всѣ сидѣли молча. Передъ свободнымъ окномъ, около кадки съ водою, стояла женщина—нищая, одѣтая въ лохмотья, и искала въ головѣ своего сына, мальчика лѣтъ четырехъ; тутъ же стояла дѣвочка лѣтъ девяти и съ интересомъ, повидимому, на меня смотрѣла. Женщина, пригласившая меня сѣсть, оказалась старухой, маленькою, тщедушною, съ сморщеннымъ лицомъ; вся она была выпачкана въ сажѣ—явный признакъ того, что она возится на кухнѣ. Ее снѣдало любопытство, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. Она спросила, кто я, куда и за что «иду». Когда я ее удовлетворила, она предложила мнѣ чаю; при этомъ она объявила, что казеннаго кипятка не бываетъ, но что, будучи кухаркою, она заготовляетъ сама для себя ки-

пятокъ и къ вечеру ставитъ его въ горячую печку, которая нарочно для этого случая затапливалась позже, чѣмъ полагалось, несмотря на то, что начальство этого не допускало.

Какъ только я расположилась пить чай, изъ-подъ наръ стали вылѣзать какія-то странныя существа. Я страшно удивилась. Старуха объяснила мнѣ суть этого явленія: оказалось, что мѣстами на нарахъ владѣютъ лишь постоянныя жительницы этой камеры—подсудимыя и отбывающія наказаніе, которыхъ въ камерѣ было большинство, несмотря на то, что камера называлась «пересыльною». Арестантки дѣйствительно пересыльныя считались паріями—имъ не было мѣста на жизненномъ пиру; лишенныя мѣстопребыванія на нарахъ, онѣ должны были ютиться на холодномъ и грязномъ полу. Лишь болѣе счастливыя изъ нихъ покупали мѣсто на нарахъ за деньги или предметъ, эквивалентный деньгамъ. Изъ поднарныхъ индивидуумовъ меня поразила одна сѣдая старуха, высокая, согбенная, одѣтая вся въ черное, что придавало ей какой-то страшный видъ. Я угостила подземныхъ жительницъ чаемъ и подѣлилась съ ними всѣмъ, что у меня было, къ немалому огорченію юркой Ханчки (такъ всѣ называли старуху кухарку).

— Къ чему это? (Ханчка говорила на ломанномъ русскомъ языкѣ)—свиньи онѣ, да вы ихъ и не насытите.

Во время чаепитія Ханчка мнѣ сообщила, что въ камерѣ еще не всѣ, и что скоро придутъ еще двѣ арестантки изъ мастерской, гдѣ онѣ работаютъ ковры. Въ особенности хвалила она одну изъ нихъ, по имени Соньку.

— Вотъ, говорила Ханчка, мучаюсь ужъ я здѣсь два года, а годъ еще остался. Что жъ, надо потерпѣть за грѣхи наши.

— За что же вы сидите?

— Не буду врать, купила краденныя вещи. Надо же какъ-нибудь жить.

Впослѣдствіи я узнала, что она и сама воровала и въ тюрьмѣ сидѣла уже не первый разъ.

Въ камерѣ было уже совсѣмъ темно. Изъ арестантокъ кто сидѣлъ, кто лежалъ на нарахъ. Ханчка что-то напѣвала себѣ подъ носъ. Мнѣ было жутко и странно, что нѣсколько часовъ тому назадъ я была на волѣ и не имѣла понятія о томъ обществѣ, въ которомъ я теперь находилась. Скоро явились ожидаемыя арестантки. Приходъ ихъ былъ предзнаменованіемъ приближенія повѣрки, и все въ камерѣ зашевелилось. Сонька распоряжалась, говорила громко и повелительнымъ голосомъ, и всѣ ея слушались. Очевидно, она здѣсь играла роль хозяйки. Дверь открылась, арестантки толпою хлынули изъ камеры, притащили изъ какого-то чулана «парашку», стали втаскивать сѣнники и одѣяла. Одѣяла поражали своею ветхостью, а въ сѣнникахъ солома никогда не мѣнялась. Эти постельныя принадлежности давались только подсудимымъ (или подслѣдственнымъ) и «высидочнымъ», своего рода полноправнымъ членамъ тюрьмы, и то, конечно, лишь черезъ нѣсколько дней послѣ прихода въ тюрьму, когда надзирательницѣ заблагоразсудится.

Наконецъ, все было готово къ повѣркѣ. Еврейки приступили къ церемоніямъ, связаннымъ съ обрядомъ «встрѣчанія субботы». На нарахъ были установлены и зажжены грошовыя сальныя свѣчи. Еврейки стали надъ ними молиться, въ томъ числѣ и Сонька, которую теперь мнѣ удалось разсмотрѣть при тускломъ освѣщеніи свѣчекъ. Сонька была молодая особа лѣтъ 20-ти, средняго роста и хорошаго тѣлосложенія, съ бойкими, плутовскими глазами и умнымъ, симпатичнымъ лицомъ. Всѣ ее любили за живой нравъ и умъ. Качествами своего характера, смѣлостью, рѣшительностью она захватила диктатуру, безпрекословно признаваемую товарками. Всю камеру она держала въ повиновеніи. Она не допускала до ругани и крупныхъ ссоръ, при ней арестантки не смѣли обижать другъ друга. Творя судъ и расправу, она обнаруживала

полное безпристрастіе, не поддаваясь вліянію личныхъ отношеній или чувству личныхъ симпатій. Она была въ компаніи съ Ханчкой: вмѣстѣ ѣли, вмѣстѣ промышляли и дѣлились своими заработками. Въ свою артель принимали онѣ и другихъ, но лишь тѣхъ, которыя имѣли деньги или получали приношенія съ воли. Сонька попала въ тюрьму за принадлежность къ шайкѣ, поддѣлывавшей векселя и предъявлявшей ихъ ко взысканію или продававшей лицамъ постороннимъ; какъ участница въ такихъ предпріятіяхъ, Сонька разыгрывала роль богатой купчихи, разъѣзжающей по своимъ торговымъ дѣламъ. Она была привлечена къ дѣлу, когда ей было не болѣе 17 лѣтъ, и потому, какъ несовершеннолѣтняя, отдѣлалась всего тремя годами заключенія. Вторая арестантка, пришедшая изъ мастерской, была женщина лѣтъ 35-ти, болѣзненная, съ злымъ лицомъ и лихорадочно блестѣвшими глазами; въ отличіе отъ Соньки, которой она была гораздо старше и выше ростомъ, ее звали просто Сонею. Соня терпѣть не могла Ханчки, которой она сильно завидовала: въ то время какъ вторая получала за свою работу на кухнѣ рубль въ мѣсяцъ и извлекала всевозможныя выгоды изъ своего званія кухарки и изъ дружбы съ Сонькой, первая должна была довольствоваться «пайкомъ», да ничтожнымъ заработкомъ отъ тяжелаго труда въ мастерской. Ссоры между ними возникали при каждомъ удобномъ случаѣ, и Сонька употребляла всѣ усилія чтобы умиротворить ихъ.

— «Это отнимаетъ у меня полъ-жизни», прибавляла она послѣ каждой подобной исторіи.

Все постепенно утихало. Горшки, ножики и другія запрещенныя вещи, имѣвшіяся въ камерѣ, были запрятаны. Еще разъ открылась дверь, арестантокъ выпустили въ послѣдній разъ и заперли ужъ до повѣрки. Теперь эта повѣрка происходила въ мужскомъ отдѣленіи, гдѣ содержались пересыльные арестанты и малолѣтніе преступники. Минутъ черезъ пять повѣрка перешла на женское отдѣленіе. Она явилась въ лицѣ

смотрителя и трехъ надзирателей, одинъ изъ которыхъ держалъ въ рукѣ зажженную свѣчку. Смотритель вбѣжалъ стремительно въ камеру и тотчасъ же вышелъ. Арестантки, одѣтыя всѣ въ халаты, стояли выстроенныя въ линію около обоихъ рядовъ наръ. Старшій надзиратель съ трудомъ протискивался между двумя рядами арестантокъ, занимавшихъ весь узкій проходъ между нарами. Когда все, что находилось на видномъ мѣстѣ, было сосчитано и просмотрѣно, всѣ взлѣзли на нары, и началась повѣрка поднарныхъ обитательницъ. Когда и эта процедура была кончена, одинъ изъ надзирателей вручилъ Сонькѣ сѣрную спичку. Сонька только этого и ждала, что-бы начать свое обыкновенное, какъ я потомъ узнала представленіе.

— Панъ Домбровскій, закричала она пѣвучимъ голосомъ и не безъ жеманства, проше дать еще одну сѣрчику. Что я сдѣлаю, если эта не запалится?

Панъ Домбровскій отвѣчалъ, что «сѣрчикъ» у него мало, что онъ даетъ изъ своихъ собственныхъ и т. д. Но этотъ маневръ продѣлывался почти каждый день для того, чтобы панъ Домбровскій подольше оставался въ камерѣ. Очевидно, Сонька ему нравилась, и Сонька съ нимъ кокетничала, такъ какъ онъ ей былъ нуженъ, какъ и многіе другіе, съ которыми она кокетничала, но отъ души ненавидѣла. Панъ Домбровскій вырвался изъ рукъ Соньки, тащившей его за шинель, при общемъ хохотѣ публики. Дверь закрылась на всю ночь.

Зажгли висячую лампу. Арестантки укладывались спать. Мало-по-малу водворилась тишина. Ханчка стала искать у себя въ рубахѣ; большая Соня ругалась, отплевывалась и говорила, что ее тошнитъ отъ одного Ханчкина вида. Нѣкоторыя курили запретный табакъ, пользуясь безопасностью отъ нескромныхъ взглядовъ надзирателей.

— Гдѣ будетъ спать барышня?—спросила Сонька, ни къ кому въ отдѣльности не обращаясь. Затѣмъ она предложила мнѣ лечь около нея, на краю наръ.

— Не бойтесь, барышня, прибавила она, я чистая.

Сонька, дѣйствительно, была опрятнѣе другихъ. Она имѣла собственное бѣлье, отличавшееся чистотою; казенное платье, которое она носила, тоже было довольно чисто, хотя въ тюрьмѣ выдавалось каждой арестанткѣ одно платье на все время пребыванія въ ней. Сонька стирала свое платье при каждомъ удобномъ случаѣ, хотя-бы даже въ грязной парашкѣ. Она имѣла свою подушку съ чистою наволочкою, вопреки тюремнымъ правиламъ, не допускавшимъ подобной роскоши. Очевидно, Сонька не даромъ кокетничала съ надзирателями: ей дѣлались уступки, на многое смотрѣли сквозь пальцы, и вообще она пользовалась привилегированнымъ положеніемъ.

Въ камерѣ стоялъ невыносимый смрадъ. Вздохамъ и стонамъ спящихъ не было конца. Полнарное населеніе не переставало шевелиться. Спать я совсѣмъ не могла и лежала словно въ лихарадкѣ, испытывая брезгливое ощущеніе ко всему безобразному тряпью рваныхъ халатовъ, грязныхъ сѣнниковъ и отвратительныхъ лохмотьевъ, на которыхъ и подъ которыми ютились грязныя арестантки, жавшіяся одна къ другой, чтобы было теплѣе. Я не была въ состояніи отдать себѣ отчета во всемъ происшедшемъ со мною въ продолженіе послѣднихъ 4—5 часовъ; чувствовала только, что мнѣ хотѣлось-бы вырваться отсюда, вырваться сейчасъ-же и во что бы то ни стало. Я сознавала, что это невозможно: но меня поддерживала мысль, что въ воскресенье идетъ этапъ, и меня отправятъ. Это мнѣ сказала Сонька, и я хотѣла ей вѣрить.

Вдругъ что-то внизу сильно зашевилилось, и изъ-подъ нары, стала вылѣзать одна изъ нижнихъ обитательницъ, та самая сѣдая старуха, которая прежде на меня произвела особенное впечатлѣніе. Она вся тряслась отъ холода и подошла къ печкѣ грѣться. Такимъ образомъ она очутилась какъразъ около меня и стала смотрѣть на меня въ упоръ. Мнѣ казалось, что она страшно голодна и готова хоть насильно взять что-нибудь поѣсть. У меня не было ничего, кромѣ кол-

басы и сыра, но и это лежало за окномъ, около котораго спали арестантки, такъ что достать было невозможно. Вообще же всѣ арестантки держали свою провизію подъ подушками, или точнѣе подъ кучами всякаго рода тряпья, замѣнявшими подушки. Мнѣ было жутко; я не рѣшалась повернуться спиною къ старухѣ и въ одномъ положеніи пролежала нѣсколько часовъ. Нервы мои были сильно утомлены, и я боролась со сномъ. Каждый разъ, когда я начинала дремать, я просыпалась, какъ ужаленная, отъ пронзительнаго взгляда неподвижно стоявшей старухи. Уже стало свѣтать. Не знаю, чѣмъ-бы это кончилось, еслибы не проснулась Сонька и не обратила вниманія на старуху.

— Ты чего тутъ стоишь?—закричала она ей,—иди сейчасъ-же на свое мѣсто!

Старуха безмолвно подчинилась и ушла подъ нары. Сонька потушила лампу, спросила, хорошо ли мнѣ спать, и улеглась снова. Черезъ нѣсколько минутъ заснула и я.

Когда я проснулась, было уже совсѣмъ свѣтло, и арестантки одѣвались или умывались надъ парашкою. Невозможно было долѣе оставаться въ зловонной атмосферѣ камеры; мнѣ казалось, что я дышу зараженнымъ, отравленнымъ воздухомъ. Но только тогда, когда всѣ ужъ были готовы къ повѣркѣ, явилась надзирательница, высокая, рыжая женщина, и отворила дверь. Всѣ выбѣжали во дворъ подышать воздухомъ. Покамѣстъ убирали парашку, заносили воду, вытаскивали сѣнники и одѣяла, дверь оставалась отворенною, и изъ камеры валилъ паръ. Я была на дворѣ вмѣстѣ съ другими. Вдругъ раздался крикливый голосъ надзирательницы, на который никто не обратилъ вниманія. Я вошла въ камеру, и моимъ глазамъ представилась слѣдующая картина.

Рыжая надзирательница стояла нагнувшись и изъ-подъ наръ тащила какое-то существо, крича во все горло:

— Иди, подлая. И смерти-то на тебя, холера, нѣтъ!

«Подлую», наконецъ, вытащили и вывели на дворъ. Это

была молодая дѣвушка лѣтъ 19-ти, босая, въ одномъ рваномъ халатѣ, безъ рубахи. Вся она была посинѣвшая отъ холода, глаза ея уставились въ одну точку, и шумъ на дворѣ, повидимому, нисколько ея не касался. Надзирательница сняла съ нея халатъ. Арестантка очутилась совершенно голая на морозѣ, пока не принесли и не одѣли на нее другого халата столь же рванаго. Во все это время арестантка не проронила ни одного слова; она переминалась съ ноги на ногу, и все ея тѣло подергивалось судорогами, какъ это бываетъ съ лошадью, когда ее нестерпимо кусаютъ насѣкомыя. Очевидно, это была безумная. Эта сцена, которая можетъ показаться невѣроятною, повторялась каждый день, такъ какъ безумная совершала свои естественныя отправленія подъ нарами. Несчастная больная женщина была просто подобрана на улицѣ и доставлена въ тюрьму, какъ «бродяга». Въ то время, какъ въ тюрьмѣ ее такъ тиранили, на волѣ наводились справки о ея личности, которыя ни къ чему не могли привести, такъ какъ сама она не могла дать о себѣ никакихъ свѣдѣній. При мнѣ ее два раза возили въ судъ (вѣроятно, къ слѣдователю), при чемъ ее предварительно хорошо и чисто одѣвали, чтобы публика видѣла, какъ хорошо содержатъ въ тюрьмѣ. Мѣсяца черезъ полтора, когда на дворѣ стало теплѣе, ее выводили изъ камеры на цѣлый день. Тамъ она постоянно искала мѣста на солнышкѣ, чтобы отогрѣть свои окоченѣвшіе за всю зиму члены. Но и тутъ несчастной не давали покою. Когда старшей надзирательницѣ (о которой рѣчь впереди) надоѣдало сидѣть въ корридорѣ и ждать, пока потребуется ея содѣйствіе въ усмиреніи какой-нибудь арестантки или при исполненіи смотрительскаго распоряженія, она создавала себѣ забаву въ лицѣ сумасшедшей. Младшая надзирательница (рыжая) заманивала сумасшедшую кускомъ хлѣба въ корридоръ—ей полагалась больничная порція, но она ея никогда не получала и была вѣчна голодна; она являлась на приманку, съ жадностью хватала хлѣбъ и торопилась съ добычею убѣжать обратно на

дворъ, но тутъ ее настигали и вырывали хлѣбъ у нея изъ рукъ. Сумасшедшая съ яростью кидалась на надзирательницу, осыпая ее ругательствами на литовскомъ языкѣ, при общемъ хохотѣ присутствующихъ. Брань сумасшедшей младшая надзирательница, сама полулитвинка, переводила потомъ старшей по-польски. Когда я разъ упрекнула рыжую, что она такъ безполезно-жестоко обращается съ человѣкомъ, ничего не понимающимъ, она мнѣ отвѣтила:

— Это она все притворяется,— все понимаетъ. Небось, ругаться-то она умѣетъ.

Какъ-то разъ рыжая, для разнообразія, вздумала произвести слѣдующее интересное испытаніе: вмѣсто того, чтобы отнять у безумной хлѣбъ силою, она попросила ее отдать обратно и при этомъ погладила ее по головѣ. Сумасшедшая возвратила хлѣбъ безъ колебаній, и надо было видѣть выраженіе тупого, но радостнаго изумленія на ея лицѣ, никогда не согрѣтомъ лаской, никогда не озаренномъ улыбкою или удовольствіемъ. Зачѣмъ держали это слабое, безотвѣтное существо, обиженное судьбою, въ ужасной тюрьмѣ, гдѣ, благодаря своей беззащитности и царствовавшему произволу, она подвергалась звѣрскому обращенію со стороны всѣхъ окружающихъ, гдѣ безжалостно ее истязали, гдѣ надъ нею потѣшались и глумились всѣ—отъ глупыхъ и злыхъ арестантокъ до свирѣпаго смотрителя? Чѣмъ объяснить поведеніе слѣдственныхъ и судебныхъ властей, которыя, вмѣсто того, чтобы помѣстить явно-безумную въ больницу, съ возмутительнымъ цинизмомъ продолжали комедію допросовъ и съ вопіющею безчеловѣчностью тянули безполезную канцелярскую волокиту, подвергая безумную всѣмъ тяжелымъ условіямъ тюремнаго режима? Много мѣсяцевъ томилась несчастная женщина, пока наконецъ (незадолго до моего отъѣзда) не былъ возбужденъ вопросъ о переводѣ ея въ домъ для умалишенныхъ. Я нисколько не сомнѣваюсь, что ея физически-крѣпкій организмъ, послѣ продолжительной пытки, перенесенной ею, въ тюрьмѣ,

былъ сильно и непоправимо подорванъ, и что, если она еще долго тамъ оставалась, то она ужъ оттуда не вышла.

Я была сильно потрясена видѣннымъ мною зрѣлищемъ и пришла въ себя лишь тогда, когда, по окончаніи уборки, арестантокъ стали вновь загонять въ камеры. Затѣмъ прошла повѣрка, въ такомъ же порядкѣ, какъ и наканунѣ вечеромъ, но съ меньшею торжественностью, такъ какъ смотрителя при этомъ не было. Черезъ полчаса послѣ повѣрки отворилась дверь, и старшій надзиратель крикнулъ:

— На работу!

Арестантки, работавшія въ мастерской, по тюремному хозяйству и по хозяйству смотрителя, вышли всѣ, кромѣ евреекъ, которыя, пользуясь субботнимъ днемъ, оставались въ камерѣ. Послѣднихъ, впрочемъ, смотритель неоднократно разносилъ, утверждая, что онѣ отказываются работать въ субботу не для соблюденія религіозныхъ правилъ, а изъ лѣни. Хотя, по закону, обязательнымъ работамъ въ мастерскихъ подлежатъ лишь приговоренные «въ рабочій домъ», какъ выражались въ тюрьмѣ, т. е. къ наказанію, которое для мужчинъ соотвѣтствуетъ арестантскимъ ротамъ, однако здѣсь этимъ правиломъ не стѣснялись и заставляли часто работать даже подслѣдственныхъ и подсудимыхъ, а отказавшихся работать сажали въ карцеръ. При этомъ обыкновенно платили лишь тѣмъ арестанткамъ, которыя занимались постоянной работой въ мастерской, гдѣ дѣлались ручнымъ способомъ ковры. Заработки были грошовые: самая лучшая работница могла выработать въ день не болѣе 8-ми копѣекъ.

Хаичка ушла въ свою кухню, несмотря на субботній день; она увѣряла, что по субботамъ за нее работаетъ кухарка-христіанка. Черезъ часъ она появилась съ доскою, на которой была поставлена масса жестяныхъ чайниковъ всевозможной величины. Одинъ изъ чайниковъ она подала мнѣ, говоря:

— Я принесла вамъ кипятокъ въ моемъ чайникѣ, я ужъ послѣ буду пить—вѣдь у васъ нѣтъ чайника?

Каждое слово Ханчки было разсчитано на то, чтобы самымъ внушительнымъ образомъ показать мнѣ, какъ много она для меня дѣлаетъ; мнѣ самой предоставлялось перевести всѣ Ханчкины заботы на презрѣнный металлъ. Оказалось, что въ этой тюрьмѣ кипятка заключеннымъ вовсе не выдавали, какъ чрезмѣрной для арестантовъ роскоши. Поступивъ въ тюрьму, Ханчка, какъ человѣкъ предпріимчивый, сообразила, что тутъ предстоитъ выгодное дѣло, и, послѣ долгихъ просьбъ и усилій добилась того, что смотритель разрѣшилъ ей купить жестяной самоваръ и отпускать арестанткамъ кипятокъ. За ежедневную порцію кипятка Ханчка брала 20—30 копѣекъ въ мѣсяцъ, смотря по состоянію. Было, конечно, много и такихъ, которыя, за неимѣніемъ денегъ, кипятка не получали и чаю вовсе не пили. Бывало, что иногда арестантки сильно Ханчку торопили, и та, не поспѣвая всѣхъ удовлетворить въ одно время, раздавала, вмѣсто кипятка, теплую воду; недовольныя поднимали шумъ и брань, и Ханчка тщетно оправдывалась, утверждая, что вода—кипяченая, но что она остыла, покамѣстъ ее заносили изъ кухни.

Ханчка (которую такъ называли не изъ симпатіи, а потому, что она была мала ростомъ) ушла за второю смѣною чайниковъ, ворча себѣ подъ носъ.

— Чтобы ему такъ легко было жить, какъ мнѣ легко таскать чайникъ.

«Онъ» былъ тотъ самый смотритель, который держалъ въ ежевыхъ рукавицахъ всю тюрьму. Въ десять часовъ онъ обыкновенно являлся для осмотра камеръ, о чемъ предварительно оповѣщала надзирательница. Такъ было и на этотъ разъ.

Арестантки выстроились въ рядъ, какъ при повѣркѣ, одѣтыя въ халаты, и ждали. Дверь открылась, и на порогѣ показалась высокая фигура смотрителя, который потянулъ носомъ воздухъ и сейчасъ-же ушелъ. Всѣ его

посѣщенія были таковы, за тѣми исключеніями, когда, по донесенію старшей надзирательницы или по своему личному усмотрѣнію, онъ бывало нагрянетъ, чтобы кого нибудь «разнести». Тогда онъ налеталъ на свою жертву, какъ бѣшенный звѣрь, хваталъ за какую-нибудь часть одежды и немилосердно трясъ, ругаясь какъ извозчикъ. Изъ многочисленныхъ подзиговъ этого бурбона, рисующихъ его обращеніе съ заключенными, я приведу слѣдующій случай. Въ одной изъ камеръ сидѣла группа арестантокъ, надъ которыми въ скоромъ времени долженъ былъ состояться судъ. Во время утренняго посѣщенія имъ камеръ, одна изъ этихъ арестантокъ, безнадежно больная женщина, не встала при его входѣ. Въ остервенѣніи онъ кинулся къ ней, схватилъ за платокъ и привелъ въ сидячее положеніе; онъ ее неистово трясъ и обливая потокомъ площадныхъ ругательствъ, кричалъ:

— Ты какъ смѣешь лежать, когда я вхожу?

— Да вѣдь она, ваше благородіе, совсѣмъ больная, замѣтили товарки.

— Все равно, въ каторгѣ сдохнетъ!

Больная умерла черезъ нѣсколько дней.

— Запугалъ онъ ее все каторгой да каторгой,—говорила по этому поводу одна арестантка,—забрала она себѣ это въ голову и отъ этого умерла.

Этотъ смотритель иногда приводилъ въ тюрьму своихъ знакомыхъ, какъ въ музей или на выставку; показывая на арестантокъ, онъ говорилъ, кто за что сидитъ и что кого ожидаетъ,—точно демонстрируя любопытные предметы, требующіе объясненія.

Часовъ въ 12 принесли большой котелъ и поставили на дворъ около корридора. Ханчка вошла въ камеру съ возгласомъ:

— Кто хочетъ варки, берите!

Еврейки сбѣжались съ черепками, мисками, горшками за «варкою». Вслѣдъ за тѣмъ принесли еще одинъ котелъ съ

«варкою» для христіанокъ. Я не разобрала, въ чемъ дѣло, и не знала, что значитъ «варка». Оказалось, что это обѣдъ, состоящій изъ крупы, соли и воды. На каждаго тюремнаго сидѣльца полагалось по нѣсколько лотовъ крупы, соли и, кажется, два фунта хлѣба въ день. Арестантки-еврейки покупали на свой счетъ сало, топили его и этой приправой подкрашивали невкусное блюдо. Мясо давалось арестанткамъ только по большимъ праздникамъ, какъ Пасха и Рождество. Нѣкоторыя арестантки, по назначенію врача, получали больничныя порціи, которыя продавались по три копѣйки. Посуды для арестантокъ было очень мало, и тѣ, которыя не имѣли собственнаго черепка, ѣли вмѣстѣ съ другими или ждали, пока не опростается посуда товарки.

Съ двухъ часовъ обыкновенно открывались по очереди камеры для желающихъ погулять: не выпускали арестантокъ почему-то только по субботамъ и воскресеньямъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ эти два дня прибываютъ и отправляются партіи.

На этотъ разъ съ этапомъ прибыло лишь трое новыхъ пересыльныхъ арестантовъ, которыхъ привели въ нашу камеру. Одна изъ этихъ арестантокъ была сумасшедшая, которую я прежде встрѣчала часто на улицѣ, постоянно въ сопровожденіи ея сына, здороваго мальчугана лѣтъ 5 — 6 и теперь пришедшаго вмѣстѣ съ своею матерью. Она пускалась въ плясъ среди улицы и этимъ собирала вокругъ себя кружокъ любопытныхъ. Говорила она безсвязно, въ чемъ-то божилась, въ чемъ-то неизвѣстно кого увѣряла и постоянно упоминала о Соломонѣ Мудромъ, съ которымъ она, будто-бы, состояла въ близкихъ отношеніяхъ. Мальчику обыкновенно давали деньги и съѣстное. Говорили, что она сошла съ ума отъ любви къ своему мужу, который ее бросилъ. Арестантки обрадовались ея приходу, такъ какъ въ тюрьмѣ она очутилась теперь ужъ не въ первый разъ. Кто-то назвалъ ее по имени и предложилъ ей показать свое искусство. Она подобрала платье и стала дико

носиться по тѣсному проходу между нарами, отъ дверей къ печкѣ и обратно, напѣвая въ то же время какіе-то звуки. Такъ она плясала до полнаго утомленія, къ величайшей потѣхѣ камернаго населенія. Я сидѣла на нарахъ и позвала къ себѣ ея мальчика. «Боюсь, она будетъ бить», отвѣтилъ онъ и остался на мѣстѣ. Сумасшедшая, услыхавъ наши переговоры, кинулась ко мнѣ съ крикомъ: «Чего тебѣ надо?» Возможно, что мнѣ бы плохо пришлось, еслибы арестантки ее не оттащили. Сумасшедшую скоро увели въ уѣздную полицію.

Настунила сравнительная тишина. Безпрестанно лишь доносились со всѣхъ камеръ не прекращавшіеся стуки въ двери,— стуки, обозначавшіе, что какая-нибудь арестантка проситъ, выпустить ее изъ камеры. Слышалась также злобная отповѣдь Куликовой (рыжей надзирательницы):

— Чтобы васъ холера взяла, стаканъ чаю не дадутъ выпить.

Послѣ такого реприманда Куликова все-таки шла отпирать дверь и дальнѣйшія свои дѣйствія соображала съ состояніемъ, а также со степенью силы и мужества выпускаемой арестантки. Если выходила женщина бойкая и умѣющая за себя постоять, она вкрадчивымъ голосомъ замѣчала, что она пошла отворять, лишь только услышала стуки; при этомъ она указывала на свои руки и жаловалась на мозоли отъ замковъ. Если же виновницей стуковъ оказывалась арестантка слабая и робкая, то Куликова дѣлала ей приличное внушеніе въ видѣ весьма ощутительнаго толчка, отъ котораго та иногда вылетала изъ камеры. Наоборотъ, старшая надзирательница, когда раздавались стуки, относилась къ нимъ съ величайшимъ равнодушіемъ; она просто игнорировала ихъ — не бранила и не шла на зовъ. Она отворяла дверь лишь тогда, когда стуки изъ одной и той же камеры долго не прерывались. Когда же какая-нибудь арестантка ее безпокоила второй разъ, то она подходила къ окошечку въ двери и говорила категорически:

— Ты сейчасъ была, тебѣ незачѣмъ ходить.

Ее отличала какая-то холодная жестокость, обусловленная отчасти природнымъ характеромъ, отчасти же сознательно поставленною цѣлью придерживаться въ отношеніи къ арестанткамъ опредѣленной системы дѣйствій. Она полагала, что только суровая дисциплина и безстрастно-пренебрежительное третированіе арестантокъ способны поддерживать престижъ власти, внушающій заключеннымъ страхъ и покорность. Она гордилась своимъ искусствомъ держать арестантокъ въ повиновеніи, и, когда Куликова плаксивымъ голосомъ жаловалась, что арестантки ее обижаютъ, что онѣ ей не даютъ покою, она упрекала свою помощницу въ томъ, что та не слѣдуетъ ея примѣру.

— Съ ними, Куликова, надо умѣть обращаться. Я уже знаю ихъ пять лѣтъ — всѣхъ-бы на одной веревочкѣ повѣсить.

Арестантки, дѣйствительно, ея сильно боялись. Даже Сонька, ненавидѣвшая ее, считала необходимымъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, задобрить ее льстивыми рѣчами. Когда бывало Сонька стучитъ въ дверь, зная, что въ корридорѣ сидитъ «старшая», она подобострастно взывала:

— Пани, панютка, пани!

День тянулся безконечно. Хоть-бы скорѣе ночь пришла, думала я, хоть-бы скорѣе прошла, чтобы уйти отсюда.

II

Наконецъ, пришло желанное воскресенье. Съ нетерпѣніемъ считала я сначала часы, а потомъ минуты. Я расплатилась съ Сонькой и попрощалась съ камерой. Въ одиннадцать часовъ меня позвали въ контору. Я очутилась въ знакомой ужъ мнѣ комнатѣ, теперь наполненной арестантами, солдатами и надзирателями. Конвойные осматривали вещи арестантовъ, снаряжаемыхъ въ этапъ. Я стояла и ждала, пока очередь дойдетъ до меня.

Къ ужасу моему, оказалось, что о моей отправкѣ требуется особое распоряженіе, которое еще не получено и, быть

можетъ, еще не скоро придетъ. Мое пребываніе въ этой юдоли плача такимъ образомъ могло затянуться на неопредѣленно долгое время.

Въ самомъ мрачномъ настроеніи я вернулась въ прежнюю камеру, гдѣ меня встрѣтили радушно, но съ большимъ удивленіемъ. Посыпались вопросы, пошли догадки, и Сонька рѣшила, что не получена «бумага», и меня отправятъ въ слѣдующее воскресенье. Я полу-лежала на нарахъ и обдумывала свое положеніе. Какъ жить, какъ вести себя въ этой ужасной тюрьмѣ, чтобы выйти изъ нея неискалѣченною умственно и физически? Какъ нормировать свои поступки, чтобы, цѣною минимума непріятностей и волненій, отстоять свое человѣческое достоинство и добиться признанія за мною элементарныхъ правъ, облегчающихъ самую возможность жить въ невозможной обстановкѣ? — Погруженная въ свои невеселыя думы, я не замѣтила, какъ въ камеру вошла старшая надзирательница; она приблизилась ко мнѣ и грубо ткнула пальцемъ въ бокъ со словами:

— Ты чего разлеглась?

Я вскочила, какъ ужаленная. Дерзость надзирательницы переполнила чашу испытанной мною горечи, и выраженіе моего лица было таково, что заставило ее отступить на нѣсколько шаговъ. Внѣ себя, я сказала ей, что она не имѣетъ права такъ обращаться съ заключенными, и чтобы она сейчасъ же убралась изъ камеры. Она что-то пробормотала въ дверяхъ, что днемъ лежать не позволяется. Со всѣхъ сторонъ послышались одобренія арестантокъ; всѣ были довольны, что старшей данъ отпоръ. Нѣкоторыя высказывали сожалѣніе, что онѣ съ своей стороны не могутъ заставить ее обращаться съ ними болѣе человѣчно.

— Вы—дѣло другое, сказала одна арестантка, сегодня вы здѣсь, а завтра васъ нѣтъ. А намъ съ нею годами жить.

— Теперь что, сказала другая,—теперь она золото противъ прежняго. Я сидѣла здѣсь, когда еще она не заму-

жемъ была. Она была молодая вдова, вышла замужъ всего два года тому назадъ за старшаго надзирателя, бывшаго солдата, изъ крестьянъ (теперь все плачется, что дворянство потеряла). Тогда она дѣтей не имѣла, тогда-то мы и намыкались, натерпѣлись, сидѣвши при ней. Теперь она живетъ на томъ дворѣ, а тогда жила на коллидорѣ, въ маленькой больницѣ; бывало все подъ дверями стоитъ, подслушиваетъ и каждое слово смотрителю доноситъ. Въ камеру ежеминутно ходила,—то не такъ стоишь, то не такъ сидишь, все муштровала. Чтобы когда-нибудь хлѣбъ рѣзать ножемъ, какъ теперь, этого не бывало; куда хошь, запрячь,—всюду найдетъ. А бабы, тѣ, которыя съ малыми ребятами сидѣли, сколько отъ нея муки перенесли, и сказать нельзя. Бывало пеленки въ парашкѣ выстираютъ и повѣсятъ на дворѣ сушить, а она возьметъ, сорветъ всѣ пеленки, втопчетъ въ грязь и занесетъ въ камеру, да еще карцей грозитъ за то, что въ камерѣ стираютъ. Потомъ бабы ужъ такъ дѣлали: выполощутъ тайкомъ пеленки, да вокругъ своего тѣла на ночь обернутъ, оно къ утру-то и высохнетъ. А какъ сама ребятъ стала рожать, такъ все-жъ лучше сдѣлалась.

— Отчего же онѣ, бабы-то, не жаловались?

— Жаловаться? Да кому жаловаться, когда одна шайка была? Пробовали-было жаловаться одному большому барину, который изъ Петербурга пріѣхалъ. Которыя были побойчѣе, когда онъ пришелъ въ нашу камеру, плакали, показали ему, какъ со стѣнъ течетъ, говорили, что дѣти здѣсь замерзаютъ,—у одной ребенокъ умеръ отъ простуды. Поговорилъ онъ тутъ что-то со смотрителемъ, да потомъ-же всѣхъ ихъ въ карцу и посадили, зачѣмъ жаловались. Бывало, когда кто долженъ пріѣхать, онъ, смотритель-то, идетъ впередъ по камерамъ и наказываетъ: «Будетъ, молъ, сюда енаралъ или кто иной,—чтобы было все въ порядкѣ, а жаловаться чтобы у меня не смѣть». А эту-то (она указала головой на дверь) ужъ два раза били, а она все тутъ. Одинъ разъ ее въ большой камерѣ отдули. Сгово-

рились арестантки, чтобы ее, значитъ, побить—думали, въ каторгу за это не ушлютъ—побить, чтобы ея здѣсь не было. Думали, что она послѣ станетъ жаловаться начальству, а начальство ей скажетъ: «Какая ты есть надзирательница, коли арестантки тебя не боятся»; ну и разсчитаютъ ее. А она, хитрая, начальству-то ничего и не сказала. Другой разъ ее на улицѣ побили вечеромъ. Сидитъ здѣсь одна Горгисъ, она ужъ три раза тутъ. Вотъ, по-первости, когда она тутъ сидѣла, то больно ужъ она ей досадила. Горгисъ курила, какъ и теперь, а она бывало подглянетъ да и поймаетъ съ цигарками. Ну, тутъ обыски, табакъ отбираютъ, а онъ здѣсь дорогой. Вотъ какъ Горгисъ вышла изъ тюрьмы, подговорила своихъ пріятелей,—они ее и побили тутъ-же, около тюрьмы.

— Отъ меня она тоже не уйдетъ!—воскликнула съ азартомъ Сонька. Не посмотрю я, что она брюхата, чтобъ ее разорвало. На каторгу пойду, а эту сволочь проучу.

Разговоры на эту тему шли еще долго.

Я начинала свыкаться съ мыслью, что мнѣ придется еще долго здѣсь сидѣть, и стала присматриваться къ своимъ сожительницамъ и знакомиться съ ними. Населеніе камеры было пестрое: польки, еврейки, русскія, литвинки, цыганки. Русскихъ было мало, да и говорили онѣ на родномъ языкѣ довольно нечисто. Большинство составляли арестантки «высидочныя», т. е. отбывающія наказаніе по судебному приговору; сверхъ того, было нѣсколько подсудимыхъ и подслѣдственныхъ. Если камера называлась «пересыльною», то только потому, что пересыльныя женщины содержались исключительно въ ней, и притомъ въ теченіе только двухъ-трехъ послѣднихъ дней недѣли. Послѣ отправки воскреснаго этапа, въ камерѣ, кромѣ меня, осталась лишь одна пересыльная арестантка, молодая дѣвушка, высылавшаяся по безписьменности на родину изъ одного южнаго города, гдѣ она жила въ прислугахъ. Блѣдная, съ изнуреннымъ лицомъ, въ послѣднемъ періодѣ беременности, обтрепанная, вѣчно трепещущая передъ надзи-

рательницами, она возбуждала къ себѣ сильную жалость; она куталась въ свои лохмотья и сжималась отъ холода. По моей просьбѣ, ей дали мѣсто на нарахъ. Она была неправильно доставлена въ Вильну, дальше того мѣста, куда она слѣдовала; благодаря этому недоразумѣнію, она была оставлена въ тюрьмѣ до слѣдующаго этапа, къ величайшей, надо сказать, ея радости. Она съ ужасомъ думала о томъ, какъ это она пріѣдетъ къ родителямъ «съ своимъ позоромъ», и надѣялась родить въ тюрьмѣ еще до отправки, а ребенка куда-нибудь отдать. Надежда ее обманула: черезъ двѣ недѣли она была отправлена, хотя говорила о приближеніи родовъ. Изъ другихъ арестантокъ обращала на себя вниманіе молодая дѣвушка лѣтъ 17-ти, заканчивавшая всѣ свои разговоры пожеланіемъ, чтобы Господь Богъ поскорѣе ее вынесъ изъ тюрьмы. Она происходила изъ очень бѣднаго семейства и на волѣ работала гильзы, а нѣкоторымъ знакомымъ заказчикамъ приготовляла и папиросы. На нее донесли, и ее привлекли къ отвѣтственности за тайную фабрикацію папиросъ. Свиданій ей ни съ кѣмъ не давали, и съ матерью она переговарнвалась черезъ посредство другихъ арестантокъ, имѣвшихъ свиданія, или черезъ тѣхъ, которыя выходили на свободу. Мать хлопотала о томъ, чтобы бѣдную дѣвушку освободили на поруки; старанія ея увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ; и дѣвушку было рѣшено выпустить, по представленіи залога въ пять рублей. Но и этихъ пяти рублей не оказывалось у старушки, и суровые блюстители закона, въ видѣ мѣры пресѣченія, продержали дѣвушку въ тюрьмѣ еще нѣсколько недѣль. Не смотря на то, что у дѣвушки была на рукахъ чесотка (scabies), ее заставляли выполнять тюремныя работы. Изъ другихъ обитательницъ камеры я упомяну лишь о толстой, добродушной, веселой Машкѣ, попавшей въ тюрьму послѣ какой-то исторіи въ кабакѣ и подряжавшейся мыть полы, въ очередь всякой другой арестантки, за трехкопѣечную плату; объ упомянутой уже нищей, которой мужъ, тоже нищій, приносилъ на свиданіяхъ

собранныя имъ корки хлѣба; о старухѣ, осужденной за убійство въ каторжныя работы, которой, по дряхлости и болѣзненности, каторга была замѣнена крайне продолжительнымъ срокомъ тюремнаго заключенія, и которая не переставала жаловаться, что вышелъ «манифестъ», и что его отъ нея скрываютъ; наконецъ, еще о молодой дѣвушкѣ, краткосрочной высидочной, преступницѣ-рецидивисткѣ, попадавшейся исключительно въ мелкихъ кражахъ и тщетно дававшей передъ каждымъ выходомъ изъ тюрьмы обѣтъ, что она больше на такое дѣло никогда и ни за что не пойдетъ. «Экая дурная», говорилъ о ней панъ Домбровскій, «добро-бы что-нибудь путное хоть разъ украла, а то все ее накроютъ на полотенцѣ да на платкѣ».

III.

Черезъ нѣсколько дней я была переведена въ одиночную камеру. Въ новомъ обиталищѣ я чувствовала себя гораздо лучше, несмотря на многочисленныя его неудобства. Эта была довольно большая камера съ нарами, совершенно пустая. Отсутствіе всякой мебели чувствовалось тѣмъ ощутительнѣе, что нары высоко подымались надъ поломъ, и сидѣть на нихъ приходилось не иначе, какъ свѣсивъ ноги, которыя быстро отекали. Я рѣшилась потребовать табуретки. Получивъ отвѣтъ, что таковой въ тюрьмѣ не имѣется, я попросила разрѣшенія купить табуретку на собственный счетъ. Смотритель отказалъ и въ этомъ, въ виду-де того, что можетъ пріѣхать губернаторъ, и ему, смотрителю, можетъ быть нагоняй. Вскорѣ тюрьму посѣтилъ одинъ изъ чиновниковъ губернской администраціи, который, осмотрѣвъ мою камеру, велѣлъ, помимо моей просьбы, поставить туда столикъ и скамейку. Табуретку удалось добыть съ большимъ трудомъ, а столика такъ и не поставили. Много претерпѣвала я и изъ-за лампы, висѣвшей въ камерѣ, или вѣрнѣе изъ-за керосина, потребнаго для лампы. Не успѣвала я послѣ повѣрки зажечь выданною мнѣ спичкою эту несча-

стную лампу, какъ дежурный надзиратель подходилъ къ окошечку въ двери и слащавымъ голосомъ говорилъ:

— Убавьте огонька, ужъ девять часовъ.

Нѣсколько дней подрядъ я «убавляла огонька»; но потомъ, убѣдившись, что вечернее время у меня пропадаетъ совершенно напрасно, я перестала подчиняться требованію моего аргуса, несмотря на неоднократныя его напоминанія. Кончилось тѣмъ, что явился смотритель, чтобы подѣйствовать на меня своимъ авторитетомъ; онъ объяснилъ мнѣ, что керосина полагается мало, («вотъ столечко»,—сказалъ онъ, показывая при этомъ край своего пальца) и потому его «зря» нельзя тратить. Я опять предложила покупать керосинъ на мой счетъ. Смотритель отказалъ и въ этомъ.

— А вдругъ губернаторъ пріѣдетъ вечеромъ и увидитъ, что одна камера освѣщена больше другихъ. Тогда вѣдь мнѣ достанется.

— Да поймите, сказала я, что это, въ сущности, мое право, котораго у меня нельзя отнять. Вѣдь я не приговорена къ тюрьмѣ, я не лишена правъ, мое нынѣшнее заключеніе вызвано исключительно тѣмъ, что еще не выполнены формальности, которыми обставлена пересылка на мѣсто назначенія. Несправедливо примѣнять ко мнѣ мѣры стѣсненія, сверхъ абсолютно необходимыхъ при всякой формѣ заключенія вообще. Да, наконецъ, я хорошо знаю, что въ другихъ тюрьмахъ вовсе не воспрещается сидѣльцамъ покупать свѣчи и жечь ихъ хоть цѣлую ночь.

Мои аргументы имѣли значеніе гласа вопіющаго въ пустынѣ, и я портила глаза, читая въ полумракѣ.

Тѣмъ не менѣе мое положеніе измѣнилось радикально къ лучшему. Прежняя обстановка, угнетая внѣшнимъ видомъ и внутреннимъ содержаніемъ, парализовала мысль и исключала всякую возможность работать: отравляя существованіе совокупностью всѣхъ своихъ условій, она, казалось, подрѣзывала самую жизнь и желаніе жить. Теперь я вздыхала свободно,

я чувствовала себя вновь человѣкомъ. Связь съ арестантской семьею у меня не была порвана: арестантки, шмыгая по коридору, то и дѣло заглядывали въ оконце, вдѣланное въ дверь, чтобы сообщить мнѣ тюремныя событія или просто побесѣдовать со мною; съ арестантками встрѣчалась я также на дворѣ во время прогулки. Такимъ образомъ я продолжала дѣлать свои наблюденія.

Арестантки, въ особенности Сонька, высказывали мнѣ соболѣзнованіе по поводу постигшаго меня келейнаго заточенія. Удаленіе изъ общей камеры практиковалось въ этой тюрьмѣ, какъ наказаніе и казалось арестанткамъ большимъ несчастіемъ.

Одинъ разъ Сонька подбѣжала къ моей камерѣ въ сильномъ возбужденіи: она получила извѣстіе о томъ, что мужъ ея, жившій гдѣ-то въ захолустьи, нашелъ себѣ другую подругу жизни.

— Вы думаете, что я ему это спущу? Нѣтъ, съ пистолетомъ въ рукѣ я къ нему нагряну.

Сонька немного бравировала. Въ сущности, имѣя массу обожателей, она своимъ мужемъ нисколько не интересовалась и раньше о немъ даже никогда и не говорила.

Въ эти дни тишина въ корридорѣ нарушалась отголосками семейной бури, происходившей между Куликовой и ея мужемъ, тѣмъ самымъ надзирателемъ, который напоминалъ мнѣ о необходимости убавленія огонька. Разладъ у нихъ былъ вызванъ тѣмъ, что Куликовъ, уроженецъ Вятской губерніи, въ послѣдне время сталъ поговаривать о своемъ намѣреніи уѣхать на родину и жены не взять съ собою. Куликова, сверхъ того, обвиняла своего супруга въ томъ, что онъ, въ этихъ видахъ, чувствительно сократилъ выдаваемыя ей на домашніе расходы деньги. Въ свободное время она ходила взадъ и впередъ по корридору, плача навзрыдъ и проклиная свою судьбу. Когда же она слышала за стѣною тяжелые

шаги своего мужа, дежурившаго въ мужскомъ отдѣленіи, то весь корридоръ оглашался ея причитаніями, обращенными спеціально къ мужу.

— Чи я пьяница какая? Чи ты видѣлъ меня когда съ другимъ мужчиной? Чи шлюха я тебѣ далась какая?..

Виновникъ этихъ ламентацій съ большимъ стоицизмомъ выслушивалъ направленные противъ него упреки и вовсе не отвѣчалъ ей, чтобы не подливать масла въ огонь. Но иногда повидимому, его терпѣнію наступалъ конецъ, изъ-за стѣны сыпалась безпощадная брань. Не знаю почему, но эта драма меня мало трогала. Злые языки въ тюрьмѣ говорили, что супруги играютъ комедію, и что, по крайней мѣрѣ, самъ Куликовъ поднялъ намѣренно весь сумбуръ лишь съ тою цѣлью, чтобы запугать смотрителя и заставить его дать ему повышеніе. Стараясь выслужиться, Куликовъ многіе годы лѣзъ изъ кожи вонъ, чтобы угодить начальству. Товарищи, на которыхъ онъ неоднократно доносилъ, его ненавидѣли и старались его «подвести». Разъ они подсунули водку арестантамъ, пришедшимъ съ работы, послѣ того, какъ ихъ обыскалъ Куликовъ, стоявшій на дежурствѣ. Арестанты перепились, и Куликову сильно отъ смотрителя досталось. Иногда Куликовъ, усердствуя черезъ мѣру, попадалъ въ-просакъ. Разъ онъ замѣтилъ, что арестантка, гладившая бѣлье смотрителя на казенномъ одѣялѣ, прожгла это одѣяло горячимъ утюгомъ. Не понимая, что есть вещи, которыхъ не слѣдуетъ замѣчать, онъ поспѣшилъ донести о проступкѣ арестантки смотрителю и въ результатѣ былъ оштрафованъ на стоимость попорченнаго одѣяла за то, что «не глядѣлъ». Таковъ былъ Куликовъ.

Во время прогулокъ я знакомилась съ арестантками изъ другихъ камеръ. Оказалось, что въ тюрьмѣ содержится еще одна сумасшедшая, также, какъ говорили, взятая на улицѣ и также привлеченная по обвиненію въ бродяжничествѣ. Это была полька, употреблявшая въ разговорѣ нѣмецкія и французскія фразы и воображавшая себя въ Петербургѣ. Она

не умѣла объяснить, кто она и откуда она. Ея idée fixe составлялъ нѣкій панъ Тадеушъ, около котораго вертѣлись всѣ ея мысли. Встрѣчая кого-нибудь на дворѣ, она обращалась со слѣдующими словами: «Будьте такъ добры и передайте пану Тадеушу, чтобы онъ принесъ мое убранье; я не могу такъ ходить». При этомъ она показывала на свой арестантскій халатъ и коты. Костюмъ ее, видимо, сильно стѣснялъ, и, встрѣчая смотрителя, она постоянно краснѣла. Арестантки, хотя и подшучивали надъ нею, но относились къ ней ласково. Кто-то ей связалъ пару чулокъ, и восторгу ея не было конца. Она помѣщалась въ больницѣ.

Больница эта называлась «большою», несмотря на то, что представляла небольшую камеру въ томъ же корридорѣ, гдѣ находились всѣ другія камеры, кромѣ «пересыльной», занимавшей нѣсколько изолированное положеніе въ корридорчикѣ, перпендикулярномъ къ главному корридору женской тюрьмы. Въ этой же больницѣ сидѣла подслѣдственная Дыновская, обвинявшаяся какъ соучастница въ сенсаціонномъ воровствѣ, совершенномъ подъ руководствомъ ея сожителя. Главные герои этой грандіозной кражи гуляли на свободѣ. По этому же дѣлу сидѣла и упомянутая выше Горгисъ, отрицавшая, впрочемъ, свою соприкосновенность къ преступленію и характеризовавшая свое положеніе фразою: «Другіе ѣли чеснокъ, а отъ меня запахъ». Дыновскую держали въ больницѣ не столько по болѣзни, сколько для того, чтобы отдѣлить ее отъ другихъ товарокъ по дѣлу. Она разсказывала, какъ она, замужняя женщина, познакомилась и сошлась со своимъ возлюбленнымъ, не имѣя понятія о его профессіи. Онъ ее соблазнилъ своею наружностью и цѣнными подарками. Въ Вильнѣ, куда онъ ее привезъ, она стала догадываться, что онъ занимается нечистыми дѣлами и, послѣ того, какъ онъ разъ принесъ ей въ подарокъ дорогіе часы, она ему сказала: «Я возьму ихъ только въ томъ случаѣ, если они не краденые». Вмѣсто отвѣта, онъ ее палкой такъ отдулъ, что у нея про-

пала всякая охота спрашивать и вмѣшиваться въ его дѣла, къ которымъ она совершенно не была причастна. Съ того дня, какъ она была заключена въ тюрьму, она не переставала получать отъ своего возлюбленнаго письма, помѣченныя изъ разныхъ городовъ, деньги, всевозможные припасы. Приношенія не обходились безъ непріятностей для приносителей, которыхъ арестовывали и отводили къ слѣдователю. Дыновская отъ этого ничего не теряла, такъ какъ она лишній разъ видалась съ своимъ возлюбленнымъ, который сопровождалъ ее до самой камеры слѣдователя, а разъ даже зашелъ къ нему въ переднюю, чтобы условиться относительно нѣкоторыхъ показаній. Разъ онъ очутился на колокольнѣ нашего запустѣвшаго костела. Всѣ арестантки были на дворѣ, кромѣ Дыновской. Онъ сталъ дѣлать сигналы руками, чтобы вызвали высокую съ ребенкомъ (о смерти котораго онъ еще не зналъ). Стали показывать арестантокъ одну за другою, но онъ отрицательно качалъ головою, пока не догадались вывести Дыновскую. Увидѣвъ своего возлюбленнаго на колокольнѣ, Дыновская заплакала и стала махать руками, чтобы онъ ушелъ. Наконецъ, это дошло до свѣдѣнія смотрителя, который немедленно послалъ людей, чтобы захватить важнаго преступника. Но его ужъ и слѣдъ простылъ. Бѣдную Дыновскую съ тѣхъ поръ перестали выпускать на прогулку: за нею учредили самый строгій надзоръ, изъ опасенія, чтобы ея возлюбленный не похитилъ ея изъ тюрьмы. Лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда сожитель Дыновской былъ арестованъ, ей были сдѣланы нѣкоторыя облегченія. О нормальности своихъ отношеній къ человѣку, погрязшему въ преступленіяхъ, Дыновская, повидимому, и не думала; да врядъ-ли она и чувствовала потребность отнестись критически къ личности, ее плѣнившей, и произвести ея нравственную оцѣнку. Прежде ее мучило лишь то, что онъ много «трудится» и тратитъ здоровье; впослѣдствіи она думала съ сожалѣніемъ о томъ, что онъ, единственно «поработавшій» основательно, попался,

не воспользовавшись почти плодами трудовъ своихъ, тогда какъ другіе успѣли скрыться...

Нѣкоторыя арестантки поступали въ тюрьму уже съ установившейся репутаціею, въ смыслѣ предпріимчивости и способности устроить побѣгъ. Съ тѣми, которыя успѣли проявить свои таланты въ этомъ отношеніи, старались обращаться вообще лучше. Заключенную Горгисъ, вмѣстѣ съ товаркою, нѣкогда за какую-то вину посадили въ отдѣльную камеру на хлѣбъ и на воду; онѣ стали вынимать въ печи около вьюшки кирпичи одинъ за другимъ, и, когда ихъ дѣятельность была замѣчена, ихъ немедленно перевели обратно въ общую камеру, отказавшись отъ всякаго возмездія. Другая арестантка, Михайлова, разъ уже бѣжавшая изъ этой тюрьмы, пользовалась нѣкоторыми льготами: ея не посылали ни на какія работы, къ ней относились лучше, и арестантки ей завидовали. Это была высокая, здоровая дѣвка, съ энергичными чертами лица. «Еще при старомъ смотрителѣ, разсказывала она, я ходила каждый день въ его квартиру помогать прислугѣ. Окно столовой выходило какъ разъ противъ каменнной стѣны, которая окружаетъ тюрьму. Стѣна низкая— я и задумала бѣжать (и окна были безъ рѣшетокъ). На волѣ мнѣ приготовили паспортъ. И вотъ одинъ разъ, рано утромъ, я зашла въ столовую, выпила двѣ рюмки водки, которыя стояли тутъ-же на столѣ, открыла окно, выставила стулъ и сама выбралась; а тамъ собрала хворостъ, который тутъ же валялся, положила все это на стулъ и перелѣзла черезъ заборъ. Въ этотъ день какъ разъ въ тюрьму пріѣхалъ губернаторъ. Меня хватились въ полдень. Смотритель и доложилъ губернатору, что я сбѣжала. Губернаторъ и говоритъ: «Хоть кожу Михайловой, а чтобы была доставлена». Ну, меня черезъ двѣ недѣли и поймали. За это мнѣ больше дали. За триста рублей меня-бы, безъ этого, никогда не осудили на три года». Эти три года заключенія Михайлова отбыла въ другой тюрьмѣ, съ еще худшимъ режимомъ. Стар-

шая надзирательница, которая ее прежде знала, говорила, что она страшно измѣнилась, что побои, которыми ее наградили при поимкѣ, и долгое суровое заключеніе ее состарили. На этотъ разъ Михайлова сидѣла по обвиненію ея товаркой въ кражѣ кофты. Хотя смотритель и старшая надзирательница, выставленные ею въ качествѣ свидѣтелей, подтверждали, что кофта эта была у Михайловой еще тогда, когда она шла этапомъ по отбытіи наказанія, и, слѣдовательно, не могла быть украдена ею потомъ на волѣ, тѣмъ не менѣе она думала, что ее осудятъ какъ уже разъ осужденную. Эта перспектива ее сильно сокрушала.

— Вотъ, сказала она мнѣ, стала-бы я маратьси изъ-за какой-то кофты! Хотя за 300 рублей я отсидѣла три года, но зато ужъ я и пожила!

Въ сношеніяхъ моихъ съ арестантскимъ міромъ послѣдовалъ перевывъ, когда меня перевели въ другую камеру, въ такъ называемый «караульный домъ», гдѣ помѣщались конвойные солдаты въ этапные дни. Никто изъ арестантокъ ужъ не подходилъ къ моему окну: я сидѣла въ мужскомъ отдѣленіи, и окно моей камеры выходило на какой-то огородъ, гдѣ вѣчно торчалъ надзиратель. Съ перваго апрѣля прекратилась выдача дровъ для топки, и арестантки лишились вечерняго чая, такъ какъ негдѣ было грѣть кипятокъ. Комната, почти нежилая, была страшно сырая и холодная. Весна вступила въ свои права, все покрылось зеленью, но въ моей камерѣ пахло могилой, и я оживала лишь тогда, когда меня выпускали гулять. Каждый день являлась за мною Куликова и со словами «venez ici, mademoiselle» выводила меня на прогулку на женскій дворъ, гдѣ я отогрѣвалась на солнцѣ и въ продолженіе часа дышала свѣжимъ весеннимъ воздухомъ. Французской фразѣ рыжая надзирательница научилась въ какомъ-то семействѣ, гдѣ она нѣкогда жила въ горничныхъ.

Хотя я временно и была отрѣзана отъ арестантской кутерьмы и ея интересовъ, тѣмъ не менѣе кое-какія свѣдѣнія

до меня доходили. Такъ, я узнала, что въ «пересыльной камерѣ» произошелъ изрядный скандалъ: Сонька подралась съ какой-то выслѣдочною арестанткою, наканунѣ выхода этой послѣдней на волю. Дѣло было такъ. Во время обѣда двое арестантокъ поссорились. Сонька, всегда стоявшая на стражѣ порядка, вмѣшалась, съ цѣлью умиротворить ихъ; но одна изъ арестантокъ, вмѣсто того, чтобы оказать повиновеніе, выругала Соньку, да еще обозвала ее «жидовкою». Сонька, не долго думая, бросила въ нее горшокъ съ горячею пищей. Окровавленная арестантка побѣжала жаловаться смотрителю. Привратникъ ея не пустилъ, да и смотрителя не было дома. Когда ему потомъ доложили о происшедшей исторіи, онъ немедленно явился на расправу. Осыпавъ Соньку градомъ ругательствъ, онъ посадилъ ее въ карцеръ на хлѣбъ и на воду; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ распорядился внести ее въ какой-то «штрафной журналъ» и конфисковать ея заработанныя деньги, имѣвшіяся въ конторѣ (не знаю, была-ли послѣдняя мѣра приведена въ исполненіе). Въ 12 часовъ ночи пришелъ смотритель и велѣлъ Сонькѣ оставить карцеръ, собрать свои вещи и перейти въ другую камеру. Сонька наотрѣзъ отказалась оставить свое годами насиженное мѣсто въ пересыльной камерѣ, гдѣ она спекулировала мѣстами на нарахъ, извлекала выгоды отъ пересыльныхъ арестантокъ изъ постоянныхъ куплей-продажъ, а подчасъ, въ компаніи съ Ханчкой просто забирала все то, что плохо лежитъ.

— Мнѣ и здѣсь, въ карцерѣ, хорошо,—сказала она смотрителю, поставившему условіемъ освобожденія изъ карцера перемѣну камеры.

— Ладно, такъ оставайся здѣсь, коли тебѣ тутъ хорошо.

Долгимъ держаніемъ въ карцерѣ думали сломить ея упорство, но Сонька не выходила оттуда до тѣхъ поръ, пока ей не позволили вернуться въ старое жилище. Сонька потомъ хвастала по всей тюрьмѣ, что карцеръ для нея вовсе не наказаніе, что она тамъ имѣла еще лучшую пищу, чѣмъ въ ка-

мерѣ, что главное, она тамъ отдохнула отъ тяжелыхъ работъ. Что она тамъ состояла не исключительно на хлѣбѣ и водѣ, это вполнѣ вѣроятно, такъ какъ ключъ отъ карцера находился у коридорнаго надзирателя, одного изъ ея пріятелей (карцеръ былъ въ мужскомъ отдѣленіи); но, что она отдохнула въ маленькомъ, темномъ, холодномъ чуланчикѣ, въ этомъ были вѣскія причины сомнѣваться. Какъ истая дипломатка, Сонька вела тонкую политику, и цѣлью ея было возвысить себя въ общественномъ мнѣніи тюрьмы. Впослѣдствіи, разговаривая наединѣ со мною, она признавалась, что положеніе ея въ карцерѣ было отнюдь не изъ лучшихъ. «Пошли Господь идолу этому такую даровую квартиру!»—прибавляла она.

Наступили дни движенія партій; привели массу арестантовъ, и меня перевели въ «маленькую больницу». Такъ называлась маленькая камера всего на двѣ кровати. Тамъ сидѣла уже женщина съ ребенкомъ-сифилитикомъ. Я снова попала въ водоворотъ арестантской жизни.

Моя новая сожительница была профессіональная воровка. Она судилась уже нѣсколько разъ, но каждый разъ отдѣлывалась краткосрочнымъ заключеніемъ. Такъ ей удавалось избѣгнуть должнаго наказанія, пока наконецъ въ послѣдній разъ ея не поймали прямо съ кошелькомъ въ рукахъ, въ которомъ всего-то оказалось не болѣе рубля. Ее присудили къ тремъ годамъ «рабочаго дома». Она не роптала на жестокость судьбы и питала надежду, по выходѣ изъ тюрьмы снова приняться за свое ремесло. Она посвящала меня въ тайны своего искусства, въ которомъ, повидимому, была виртуозомъ. Она разсказывала, какъ вдвоемъ съ другою женщиною онѣ, при помощи подобранныхъ ключей, похитили ящикъ съ деньгами, и какъ она зарыла эти деньги въ стеклянномъ сосудѣ, который она намѣревалась выкопать изъ земли по полученіи свободы. Она, не безъ воодушевленія, трактовала о возможности однѣми ножницами вырѣзать бумажникъ изъ самаго затаеннаго кармана. Моя сожительница была до совершенства знакома со всѣми фокусами

судебнаго крючкотворства и со всѣми элементами сложной науки приспособить всѣ мелочи тюремной обстановки къ устроенію сноснаго существованія въ темницѣ. Она сообщила мнѣ секретъ благополучнаго, сравнительно, исхода прежде возбуждавшихся противъ нея дѣлъ: полицейскіе чиновники брали взятку и составляли протоколъ въ ея пользу.

— Неужели-же, спросила я, вы дарили приставу или помощнику тутъ-же, въ участкѣ, въ присутствіи всѣхъ?

— Зачѣмъ тутъ? Онъ самъ никогда не принималъ, а пойдешь это съ задняго крыльца къ его женѣ, она и приметъ. Еще вотъ свидѣтели, и они имѣютъ большое значеніе. Разъ, напримѣръ, меня поймали съ колбасой въ мясной лавкѣ. Тутъ стоялъ и деньщикъ офицерскій, тоже за мясомъ пришелъ; онъ на судѣ и показалъ, что колбасу вынули у меня изъ корзинки. Меня, конечно, осудили въ тюрьму. Дѣло это перешло въ съѣздъ, а сама-то я была выпущена на поруки, по волѣ гуляла. Отыскала я этого деньщика. Ну, тамъ что было, только на съѣздѣ онъ показалъ, что колбасу вынули не изъ корзинки, а взяли изъ рукъ моихъ. Меня и оправдали.—У меня, слава Богу, всего много. Когда привезли мои вещи сюда, смотритель только ахнулъ. «Вѣдь это, говоритъ, все воровское; не можетъ быть, чтобы такія вещи у тебя были».—Вѣдь вы, говорю, не видали, какъ я воровала».

Затѣмъ она мнѣ разсказала, какъ ее заставляли работать въ послѣдніе дни беременности, когда она ужъ еле ходила. Когда всѣ ея просьбы ни къ чему не привели, она самовольно перестала ходить въ мастерскую, несмотря на то, что грозили карцеромъ. Потомъ ее оставили въ покоѣ.

Съ переходомъ моимъ въ «маленькую больницу», я снова пользовалась вечернимъ чаемъ. У моей предусмотрительной сожительницы еще съ зимы былъ заготовленъ достаточный запасъ дровъ. Каждый вечеръ, послѣ повѣрки, она быстро придвигала столъ къ печкѣ, на столъ ставила табуретку и съ печки снимала запрятанное полѣно; затѣмъ изъ-подъ сѣнника

доставался ножъ, наскоро дѣлались щепки, и чайникъ съ водою ставился въ печку и кипятился при маломъ огнѣ, чтобы не было дыма. Мнѣ оставалось только удивляться остроумію и практической сноровкѣ этой женщины.

IV

Въ то время, какъ тюремное населеніе готовилось къ приближающемуся празднику Пасхи, арестантки были потрясены смертью одной изъ товарокъ,—той самой женщины, о жестокой выходкѣ противъ которой со стороны смотрителя я говорила выше. Уже когда она была при смерти, ея дѣти добились разрѣшенія имѣть съ нею въ больницѣ свиданіе, которое было для нихъ и первымъ и послѣднимъ. Долго пришлось дѣтямъ стоять на улицѣ у тюрьмы, такъ какъ у смотрителя, при которомъ должно было состояться свиданіе, не оказывалось для нихъ свободнаго времени. Когда-же желанный моментъ наступилъ, и дѣти увидѣли свою умирающую мать, то свиданіе продолжалось всего не болѣе пяти минутъ и прекратилось, едва дѣти успѣли проговорить два-три слова. Какъ только несчастная женщина закрыла глаза, арестантки-еврейки, съ разрѣшенія начальства, перенесли ея тѣло въ «пересыльную», положили на полъ по еврейскому обряду, зажгли свѣчи, оплакали и, когда прибыли дроги, вынесли на своихъ рукахъ. Тюрьмою овладѣло особо-мрачное и серьезное настроеніе. Смерть узника производитъ невыразимо удручающее впечатлѣніе на его товарищей :тутъ дѣйствуетъ не одно только состраданіе къ жертвѣ, покинувшей міръ среди безотрадной неволи, и не только чувство близости къ товарищу, но и смутное сознаніе того, что печальный исходъ былъ вызванъ или ускоренъ самой тюрьмой, что онъ легко можетъ постигнуть и всякаго изъ заключенныхъ...

Не успѣло еще изгладиться впечатлѣніе отъ этой смерти, какъ въ большой больницѣ, находившейся рядомъ съ нашею камерою, умерла арестантка, уморивъ себя голодомъ. Всѣ аре-

стантки и даже надзирательницы знали, что эта женщина отказывается принимать всякую пищу; но никто на это не обращалъ вниманія. Потомъ разсказывали, что больная передъ смертью просила пить, но некому было поднести ей воды.

Въ этой-же «большой больницѣ» готовилась отойти въ вѣчность еще одна больная женщина. Каждый разъ, когда докторъ являлся въ тюрьму, онъ справлялся о ней у старшей надзирательницы слѣдующимъ образомъ: «А что, у Бронской вшей много?» Оба посмѣются. Зайдетъ на минутку къ больнымъ и этимъ считаетъ свои обязанности исполненными. Наѣзжалъ онъ въ тюрьму очень рѣдко. При тюрьмѣ состоялъ и фельдшеръ, но, въ чемъ проявлялась его дѣятельность, мнѣ неизвѣстно. Обыкновеннымъ средствомъ леченія служила «больничная порція», оцѣнивавшаяся на тюремномъ рынкѣ, какъ намъ уже извѣстно, въ три копѣйки. При тюрьмѣ считалась на службѣ также и акушерка, но жила она гдѣ-то очень далеко и въ тюрьму никогда не заглядывала; въ экстренныхъ случаяхъ обязанности ея исполняли простыя арестантки.

Наступили еврейскіе праздники. По традиціонному обычаю, всѣ еврейки были собраны въ одну камеру, которую онѣ предварительно вычистили и тщательно вымыли; онѣ получили разрѣшеніе купить на свои деньги дрова, а также керосинъ, чтобы освѣщать камеру по-праздничному. Тѣ арестантки, которыя имѣли собственныя платья, постарались раздобыть ихъ изъ конторы, чтобы одѣться понарядѣе. Въ камерѣ шла стряпня. Еврейская община, какъ говорили, доставила на каждаго арестанта-еврея по $^1/_2$ пуда мацы (опрѣсноковъ), нѣкоторое количество мяса, картошекъ, селедокъ и даже бутылку дешеваго вина. Частью присланной провизіи еврейки подѣлились съ другими арестантками. Значительная часть припасовъ была растащена служителями; сверхъ того, какъ говорили, часть мацы пошла на начинку смотрительскихъ поросятъ, а значительная часть картофеля на смотрительскій же огородъ. Въ результатѣ, полученная для евреевъ пища оказалась недостаточною; особенно

мало выдавалось мацы, и тѣ арестантки, которыя жили на одномъ подаяніи, сильно голодали. Къ концу недѣли мацы совсѣмъ не стало (хлѣба, по еврейскому закону, въ «праздникъ опрѣсноковъ» ѣсть нельзя). Дѣти, сидѣвшія въ тюрьмѣ, плакали, прося ѣсть. Смотритель къ нимъ пришелъ, покричалъ, погрозилъ карцеромъ. Все-же маца потомъ появилась: шли слухи, что, по требованію смотрителя, община представила еще провизію въ дополнительномъ размѣрѣ. Такъ прошелъ праздникъ у заключенныхъ-евреевъ.

Еще съ большимъ шумомъ прошла христіанская Пасха. Арестантки готовились къ исповѣди и причастію. Нѣсколько дней подрядъ приходили въ контору священникъ и ксендзъ. Однажды, когда я гуляла по двору, смотритель вывелъ изъ одной камеры къ исповѣди партію арестантокъ. Онъ считалъ ихъ много разъ и никакъ не могъ досчитаться одной. Стали искать, и бѣглянку нашли въ кухнѣ, гдѣ она пекла хлѣбъ для арестантокъ. Ее немедленно привели предъ грозныя очи смотрителя. Начался допросъ.

— Ты что, такая-сякая, не идешь на исповѣдь?

— Не могу, ваше благородіе, итти.

— Почему ты не можешь?

— Есть причина. Хоть дѣлайте со мною, что хотите,— не пойду.

— Осмотрѣть эту мерзавку!—распорядился смотритель,—и доложить мнѣ, можетъ она итти на исповѣдь или нѣтъ.

Онъ ушелъ. Дѣвушка перекрестилась.

— Слава тебѣ, Господи, сказала она, хоть не самъ будетъ онъ меня осматривать.

— Да какъ-же, спросила я, можетъ онъ самъ осматривать?

— Да такъ; въ прошломъ годѣ взялъ всѣхъ тѣхъ, которыя не хотѣли итти на исповѣдь, вывелъ въ корридоръ и велѣлъ раздѣться. Кто вправду не могъ итти, тѣхъ оставлялъ; а иной просто не хотѣлось исповѣдываться, такъ онъ силой гналъ.

Я знала хорошо, что въ тюрьмѣ царствуетъ полный произволъ; но мнѣ съ трудомъ вѣрилось, чтобы необузданный цинизмъ въ дѣйствіяхъ по службѣ могъ доходить до подобныхъ размѣровъ, оставаясь безнаказаннымъ. Впрочемъ, о героѣ всѣхъ этихъ безобразій разсказывались еще и не такія вещи...

Приготовленія къ празднику со стороны христіанской половины населенія тюрьмы не отличались особенною многосложностью, такъ какъ подаянія съ воли для нея не было. Тѣмъ не менѣе всюду замѣчалось праздничное настроеніе, покрывавшее лица своеобразнымъ оттѣнкомъ ожиданія и волненія. Въ тюрьмѣ происходило нѣчто въ родѣ «Sturm- und Drang-Periode». Душа куда-то рвалась, хотѣлось чѣмъ-нибудь выразить свое пріобщеніе къ общему торжеству. Утромъ въ первый день праздника арестантки получили по куску бѣлаго хлѣба, по одному яйцу и по куску мяса. Изъ начальства въ этотъ день была въ тюрьмѣ лишь рыжая надзирательница, или «начальство безъ бороды», какъ ее обозвала одна арестантка. Куликова была совсѣмъ навеселѣ и чувствовала себя на вершинѣ своего благополучія. Желая чѣмъ-нибудь ознаменовать свое восторженное состояніе, она открыла всѣ камеры и всѣхъ арестантокъ выпустила на дворъ. Такимъ образомъ очутились вмѣстѣ подсудимыя, сидѣвшія по одному дѣлу и не имѣвшія якобы права видѣться и даже сноситься между собою (послѣднее, впрочемъ, при порядкахъ, существовавшихъ въ этой тюрьмѣ, было постоянно лишь неосуществимымъ вожделѣніемъ). Въ то время, какъ арестантки толпою гуляли по двору и пѣли веселыя пѣсни, открылась дверь и моей камеры, и, нѣсколько пошатываясь, вошла Куликова. По лицу ея было видно, что она приняла очень важное рѣшеніе.

— Идите гулять, сказала она, я тоже мѣю право. Пусть онъ придетъ,—я скажу ему, что я тоже мѣю право. Что-же!

Я не соблазнилась ея предложеніемъ, такъ какъ знала,

что, если «онъ» придетъ, то ей не сдобровать. Смѣлость ея дошла до того, что она мнѣ предложила даже водки. Немного отрезвившись, она почувствовала, что царству ея приходитъ конецъ. Она стала загонять въ камеры арестантокъ, которыя не хотѣли итти и зло надъ нею трунили. Бѣдная Куликова перепугалась не на шутку. Водворивъ съ большимъ трудомъ арестантокъ внутри зданія тюрьмы, она стала провѣрять ихъ по камерамъ. Одна изъ арестантокъ рѣшилась подшутить надъ Куликовой и занряталась гдѣ-то подъ нарами. Можно себѣ представить ужасъ надзирательницы, когда въ результатѣ всѣхъ счетовъ упорно оказывался недочетъ. Наконецъ, дѣло объяснилось ко всеобщему удовольствію.

На слѣдующій день тюрьма приняла ужъ почти обычный свой видъ.

Вскорѣ послѣ Пасхи вниманіе всей тюрьмы было поглощено чудовищнымъ процессомъ, разбиравшимся въ окружномъ судѣ при закрытыхъ дверяхъ. Цѣлая шайка по этому дѣлу содержалась въ тюрьмѣ ужъ болѣе двухъ лѣтъ. Изъ обвиняемыхъ по этому дѣлу нѣкоторые успѣли умереть; другіе, выпущенные на поруки, скрылись до суда. По этому дѣлу было вызвано около двухсотъ свидѣтелей. Были свидѣтельницы и изъ самой тюрьмы, какъ напримѣръ Сонька, которая заранѣе ликовала, что прогуляется по городу, и дразнила пана Домбровскаго тѣмъ, что увидитъ «хорошенькихъ солдатиковъ». Арестантокъ водили въ судъ подъ усиленнымъ конвоемъ, такъ какъ распространился слухъ, что нѣкоторыхъ хотятъ «отбить» родственники. Судъ продолжался двѣ недѣли, и всѣ были приговорены къ каторжнымъ работамъ на долгіе сроки, кромѣ лишь одной, которую совсѣмъ оправдали. Въ послѣдній день привели ихъ изъ суда въ 11 часовъ ночи, ужъ послѣ приговора. Вѣсть объ этомъ моментально облетѣла всю тюрьму и навѣяла глубокое уныніе, хотя всѣмъ было извѣстно, что осужденнымъ воздано лишь по заслугамъ.

Стонъ стоялъ въ камерѣ, гдѣ несчастныя были собраны; онѣ сидѣли всѣ по угламъ, какъ приговоренныя къ смерти, и ничего не видѣли передъ собою, кромѣ мрачной бездны, готовой ихъ поглотить. Нѣкоторыя изъ нихъ обнаруживали серьезное намѣреніе уморить себя голодомъ, предпочитая скорую смерть безпросвѣтной, мучительной жизни на каторгѣ въ далекой чужбинѣ. Въ особенности было жаль одну женщину, поплатившуюся каторгой лишь за то, что, изъ страха и по нѣжеству, не соглашалась дать на судѣ истиннаго показанія; между тѣмъ, вся вина ея заключалась въ томъ, что за плату въ 30 копѣекъ она дала временно свой паспортъ, при помощи котораго произвели подлогъ, о которомъ она не имѣла ни малѣйшаго понятія. Положеніе вновь осужденныхъ въ тюрьмѣ сразу круто измѣнилось. Хотя приговоръ не вошелъ еще даже въ законную силу, но ихъ сразу же лишили свиданій и прекратили для нихъ пріемъ съ воли приносимой пищи; смотритель хотѣлъ вызвать спеціально для нихъ военный конвой. Черезъ нѣсколько дней, когда острая боль немного улеглась, у части осужденныхъ блеснулъ лучъ надежды на отмѣну рѣшенія суда сенатомъ; другія отъ подачи кассаціи не столько ждали облегченія себѣ приговора, сколько старались затянуть отправку, чтобы остаться подольше на родинѣ, которую врядъ-ли имъ суждено было увидѣть еще разъ, такъ какъ все это были старухи. Впослѣдствіи я читала въ газетахъ, что въ отношеніи къ осужденнымъ женщинамъ приговоръ былъ оставленъ сенатомъ въ силѣ.

Уже два мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ я переступила черезъ порогъ этой тюрьмы, однако каждый день приносилъ новыя проявленія беззаконія, произвола, неустройства въ ней. Я не буду распространяться о такихъ сторонахъ тюремнаго режима, какъ принудительное обращеніе арестантокъ на работы, ничѣмъ не оплачиваемыя, безпорядочность въ дѣлѣ покупки арестантками продуктовъ съ воли и эксплуатированіе заключенныхъ въ этомъ отношеніи посредниками-

служителями, отсутствіе опредѣленнаго времени и порядка для принятія арестантской корреспонденціи и т. д. Перечисленіе всѣхъ аномалій было-бы утомительно, а для людей, незнакомыхъ съ тюремнымъ бытомъ, лишено интереса. Между тѣмъ, всѣ эти мелочи въ совокупности дѣйствуютъ на заключеннаго принижающимъ образомъ, внушаютъ ему неувѣренность въ каждомъ шагѣ и окружаютъ его атмосферою безправія, которая отравляетъ и безъ того печальную жизнь. Я умолчу также о томъ, что я лично испытала въ этой тюрьмѣ среди безпрестанной «борьбы за существованіе».

Трудно описать волненіе, овладѣвшее мною, когда я узнала, что назначенъ день моей отправки. На этотъ разъ обошлось безъ сюрпризовъ. Я была вызвана въ контору, оттуда выведена на дворъ, гдѣ была собрана вся партія, и затѣмъ, по осмотрѣ вещей и выдачѣ кормовыхъ, шествіе тронулось подъ конвоемъ солдатъ съ саблями на-голо, имѣя смотрителя во главѣ. Мы шли самыми глухими улицами окраины города. На вокзалѣ мы были поставлены на крайней части платформы, куда публика не допускалась. Отъ времени до времени смотритель приводилъ своихъ знакомыхъ, на меня почему-то показывалъ пальцемъ и что-то разсказывалъ. Ждать пришлось съ добрый часъ. Поѣздъ, наконецъ, пришелъ, и мы были приняты новымъ конвоемъ и посажены въ одинъ вагонъ. Солдаты, проводившіе насъ на вокзалъ, вернулись обратно.

Поѣздъ тронулся. Въ вагонѣ началось пѣніе пошлыхъ пѣсенъ, сопровождаемое безобразными сценами заигрыванія съ женщинами, которыхъ въ вагонѣ было всего четыре. Оказалось, что новые конвойные были всѣ поголовно пьяны. Они первые подали поводъ къ нарушенію благопристойности. Особенно возмутительно велъ себя одинъ писарь, часто заходившій въ вагонъ, чтобы выкликать арестантовъ, спускаемыхъ на попутныхъ станціяхъ. Подойдя къ одной вполнѣ порядочной дѣвушкѣ, онъ ее хлопнулъ по плечу со словами: «А съ тобою мы до самаго Питера поѣдемъ». Дѣвушка оттолкнула его

отъ себя и пригрозила, что, если онъ не оставитъ ея въ покоѣ, то она позоветъ офицера. «А, такъ ты вотъ какъ, такая-сякая, такъ ты еще жаловаться!»—закричалъ въ ярости пьяный писарь, схватилъ ее за платье и потащилъ со скамейки, на которой она стояла, смотря въ рѣшетчатое окошечко, находившееся почти у самаго потолка. Дѣвушка упала на полъ, а все платье на ней изорвалось. Она подняла крикъ и стала требовать офицера; въ отвѣтъ ей послышалось хихиканіе солдатъ и безсмысленное гоготаніе толпы арестантовъ. Дѣвушка продолжала настойчиво требовать офицера. Старшій конвойный сказалъ, что «ихъ благородіе» самъ зайдетъ потомъ въ вагонъ. Однако, офицера мы такъ и не увидѣли ни въ пути до Петербурга, ни въ самомъ Петербургѣ, когда партія направлялась въ тюрьму. Дѣвушка потомъ жаловалась кому слѣдуетъ; но вышло-ли что-нибудь изъ этого, мнѣ неизвѣстно.

Эта дикая исторія воскресила предо мною неприглядную картину той тюрьмы, изъ которой я недавно вышла. Мнѣ было невыразимо тяжело на душѣ. Я вспомнила Джона Говарда и реформаторскіе планы этого великаго филантропа. Какимъ почетнымъ ореоломъ, думала я, окружено его имя въ наукѣ, какъ блестяще чествуется его память учеными и практическими дѣятелями, а между тѣмъ какъ мало, поразительно мало сдѣлано для осуществленія его гуманныхъ идей!

V.

Дома, какъ и люди, говорятъ, имѣютъ свои физіономіи. Мнѣ пришло въ голову примѣнить это изреченіе и къ тюрьмамъ, когда послѣ перваго впечатлѣнія отъ внѣшняго вида Петербургской пересыльной тюрьмы, я присмотрѣлась къ существующимъ въ ней порядкамъ и къ содержимымъ въ ней арестанткамъ. Въ сравненіи съ Виленской тюрьмой она казалась раемъ. Двери четырехъ камеръ, выходившихъ въ теплый коридоръ, оставались постоянно открытыми. Арестантки

бѣгали взадъ и впередъ; кто гладилъ въ корридорѣ, кто стиралъ въ ванной какой-нибудь носовой платокъ—въ отдѣленіи имѣлась ванная, которою арестантки могли пользоваться съ разрѣшенія начальства. Въ камерахъ тоже работали: шили казенное бѣлье. Всѣ тюремныя работы оплачивались, и, надо сказать, довольно хорошо. Камеры, съ крашенными полами, уставленныя желѣзными кроватями, не прикованными къ полу, скорѣе напоминали больницу, чѣмъ тюрьму. Въ камерѣ, куда меня ввели, стоялъ большой столъ, обитый клеенкой, около котораго были двѣ скамейки. Столомъ позволялось пользоваться только для работы; чаепитіе же и обѣдъ происходили въ корридорѣ, во всю длину котораго былъ поставленъ рядъ столовъ. Обѣды были довольно хороши, давались и ужины. Кипятку было вдоволь. Такой пищи, какая ежедневно давалась въ этой тюрьмѣ, Виленскія арестантки не имѣли имѣли и въ Свѣтлое Воскресенье. Женское отдѣленіе было устроено на 50 человѣкъ; но такъ какъ число арестантокъ обыкновенно превышало эту норму, то иногія спали на полу и на скамейкахъ,—нѣкоторыя тѣмъ охотнѣе, что кровати, несмотря на принимавшіяся мѣры, изобиловали паразитами. Для чистоты и опрятности дѣлалось все: камеры провѣтривались, кровати чистились, полы мылись каждый день. Обращеніе съ арестантками отличалось сравнительно вѣжливостью и гуманностью. Не было ничего подобнаго ворчливымъ крикамъ Куликовой или площадной ругани смотрителя. Конечно, не обходилось и здѣсь безъ капризныхъ выходокъ, свидѣтельствовавшихъ о неустойчивости принятой въ отношеніи къ заключеннымъ системы и о зависимости ея отъ переменчивыхъ настроеній властвующихъ лицъ. Арестантокъ сажали въ темный карцеръ частенько-таки безъ особой вины, особенно когда надзирательницы, снабженныя правомъ прибѣгать собственною властью къ этой мѣрѣ взысканія, бывали не въ духѣ. Стоило только бѣжать двумъ арестанткамъ, чтобы было рѣшено запирать на ночь всѣ камеры и тѣмъ показано, что

человѣчный режимъ въ тюрьмѣ основывается не на началахъ справедливости, не на признаніи за заключенными извѣстныхъ скромныхъ правъ, а всецѣло зависитъ отъ случайныхъ обстоятельствъ, къ которымъ арестантская масса совершенно непричастна. (Кстати, я слышала потомъ, что одного изъ бѣжавшихъ арестантовъ уже въ другой тюрьмѣ товарищи забили до смерти за то, что своимъ побѣгомъ онъ вызвалъ со стороны начальства стѣснительныя мѣры). Но въ подобномъ отношеніи къ дѣлу сказывается ужъ общая черта, столь часто у насъ проглядывающая, черта безпринципности, не руководствующейся твердо установленными правилами и проявляющей себя въ способности шататься отъ всякаго дуновенія вѣтра.

Самыя обитательницы новой тюрьмы производили болѣе выгодное впечатлѣніе въ сравненіи съ грязными, оборванными арестантками въ Вильнѣ. Новыя мои знакомыя были чище, изящнѣе, культурнѣе. Одежда, манеры, отношенія свидѣтельствовали о болѣе развитой средѣ, объ иныхъ привычкахъ и притязаніяхъ на жизнь. На всѣхъ лежалъ отпечатокъ лоска большого города, хотя въ составъ этого общества входили самые разнообразные элементы. Тутъ были и проститутки, и нищія, и воровки, и совершенно невинныя существа, не знавшія, за что и для чего ихъ высылаютъ. Въ этой разношерстной публикѣ можно было встрѣтить и гувернантку, и генеральскую дочь, и акушерку, добровольно возвращающуюся этапомъ на родину, и богатыхъ женщинъ, занимавшихся темными дѣлами. Но въ общемъ контрастъ съ прежнею тюрьмою былъ необычайный.

Арестантокъ приводили въ тюрьму ежедневно, и на прибытіе новыхъ мало кто обращалъ вниманіе, тѣмъ болѣе, что народъ былъ большею частью видавшій виды и не разъ ужъ ходившій этапомъ. Поэтому и мое появленіе въ тюрьмѣ осталось совершенно почти незамѣченнымъ. Одна женщина, впрочемъ, ко мнѣ подошла и спросила, кто я и за что иду.

Я была сильно утомлена дорогой и отвѣчала ей нехотя. Однако она меня не оставила и разсказала свою исторію. Оказалось, что у нея имѣются въ Петербургѣ мужъ и дѣти, но ее высылаютъ на родину по слѣдующему странному обстоятельству. Торгуя различнымъ хламомъ, она продала пару старыхъ сапогъ какому-то господину, у котораго эти сапоги развалились на слѣдующій же день. Покупатель возбудилъ противъ нея обвиненіе въ обманѣ, и, несмотря на оправдательный приговоръ суда, женщина эта подвергалась теперь высылкѣ по распоряженію администраціи. Всѣ хлопоты ея дѣтей о томъ, чтобы ей разрѣшили ѣхать по крайней мѣрѣ на свой счетъ, оставались безуспѣшными, способствуя лишь дальнѣйшему задержанію ея въ тюрьмѣ. Она жаловалась на свою судьбу и на непривычныя ей условія тюремной жизни. Разговорившись со мною, она стала знакомить меня съ арестантками, которыя въ большинствѣ своемъ представляли большой интересъ для наблюденія.

Прежде всѣхъ обратила на себя мое вниманіе одна молоденькая дѣвочка, почти ребенокъ. Къ удивленію моему оказалось, что это—проститутка. Ее звали Ольгой «маленькой», въ отличіе отъ другой Ольги, «большой», тоже проститутки. Ольга маленькая за свое ремесло ужъ нѣсколько разъ лишалась права жительства въ Петербургѣ, но каждый разъ, послѣ водворенія на далекую родину, она украдкою отъ родителей уѣзжала обратно въ Петербургъ чтобы предаваться заманчивому для нея занятію до новой высылки. Худая, маленькая, съ дѣтскимъ лицомъ и дѣтскимъ же голосомъ, Ольга маленькая тянулась въ эту жизнь не изъ нужды—родители ея были люди зажиточные,—а для веселья и удовольствій. Мать ея нѣкогда содержала домъ терпимости, но за какой-то проступокъ была выслана изъ Петербурга на родину. Ольга маленькая, успѣвшая уже присмотрѣться къ жизни продажныхъ дѣвушекъ у матери и прельстившаяся этою жизнью, отказалась ѣхать съ матерью и осталась съ тѣмъ, чтобы «гулять». Она очень не любила, когда ее звали дѣвчонкой, и краснѣла, когда ей

напоминали о ея лѣтахъ. «Неправда», говорила она, надувшись, «мнѣ 16 лѣтъ». На самомъ дѣлѣ, какъ утверждали, ей было не болѣе 14-ти. Длинныя платья, въ которыя она одѣвалась, придавали ей тѣмъ болѣе комичный видъ, что физически она была еще совсѣмъ не сформирована. Какъ только послѣ ужина камера запиралась, Ольга маленькая вмѣстѣ съ Шурой, молодой женщиной лѣтъ 15-ти, съ которою она очень дружила, начинали возиться и играть, какъ маленькія дѣти. Въ однѣхъ рубашкахъ, онѣ бѣгали по кроватямъ, прятались, отыскивали другъ дружку, смѣялись беззаботнымъ дѣтскимъ смѣхомъ. Старухи-арестантки ворчали, что онѣ имъ не даютъ покоя, а иногда и начальство являлось для усмиренія ихъ. Добродушная надзирательница обыкновенно замѣчала, смѣясь: «Ахъ, дѣти, дѣти, вѣдь вы въ тюрьмѣ, а не дома!»

Исторія паденія Александры, или, какъ ее звали въ тюрьмѣ, Шуры, довольно необыкновенна, хотя въ сущности состоитъ изъ одного начала. Она происходила изъ купеческаго семейства, довольно богатаго, и дѣвочкой была выдана замужъ. Подверженная эпилептическимъ припадкамъ, она была привезена въ Петербургъ и положена въ клинику, гдѣ пробыла нѣсколько мѣсяцевъ. Въ клиникѣ она сблизилась со студентами, съ которыми, по ея словамъ, жилось ей тамъ очень весело. Домой она писала, чтобы за нею не пріѣзжали, что она сама вернется обратно къ назначенному сроку. Въ тотъ день, какъ она выписалась изъ клиники, она, вмѣсто того, чтобы попасть на вокзалъ, очутилась въ какой-то гостиницѣ, гдѣ кутила съ компаніей. Въ тотъ-же вечеръ она попала въ часть, а оттуда въ пересыльную тюрьму. Здѣсь узналъ ее докторъ, бывшій нѣкогда домашнимъ врачомъ ея семейства и знавшій ее еще ребенкомъ; онъ хотѣлъ сейчасъ-же телеграфировать ея матери, но она умоляла его этого не дѣлать. Шура была высокаго роста, красивая, капризная, какъ избалованный ребенокъ. А насколько она была дѣйствительно еще ребенкомъ, станетъ ясно изъ того, что, по выходѣ изъ клиники, она немедленно

отправилась въ магазинъ и купила себѣ за пять рублей куклу, надъ которой сжалился участковый приставъ и прибралъ, вѣроятно, для своихъ дѣтей. У нея были роскошныя платья и превосходное бѣлье; все это она роздала арестанткамъ. Отличаясь въ высшей степени добрымъ характеромъ, чуждая всякой мелочности, она положительно ни въ чемъ не могла отказать, когда у нея просили, и арестантки этимъ пользовались. Припадки бывали у нея иногда два раза въ день, но въ больницу ея не отправляли, и сама она итти туда не желала. Она съ величайшимъ интересомъ ждала отправки, чтобы посмотрѣть и испытать, что такое «этапъ». Этому избалованному существу нравились вообще новыя впечатлѣнія всякаго рода, будь это клиника, гостиница или тюрьма. Въ тюрьмѣ она, видимо, развращалась, и бывалыя арестантки, слыша ея рѣчи, только покачивали головою. Шура утверждала, что непремѣнно вернется обратно въ Петербургъ.

Проститутки жили между собою очень дружно и постоянно поддерживали другъ друга. Многія приходили въ тюрьму безъ копѣйки и пользовались помощью своихъ товарокъ. Такъ прожила и Ольга большая на общій счетъ почти два мѣсяца.

Ольга большая была молодая женщина, очень красивая и въ то же время очень скромная. Дочь воспитательнаго дома, она была обезпечена кровомъ и содержаніемъ лишь до совершеннолѣтія; когда ей минулъ 21 годъ, ей выдали паспортъ и отпустили на всѣ четыре стороны. Нѣкоторое время она искала работы, но безуспѣшно. Такимъ образомъ она попала на скользкій путь, на которомъ, однако, продержалась недолго, чтобы непосредственно затѣмъ очутиться въ тюрьмѣ, вмѣстѣ съ своимъ женихомъ, рабочимъ. Произошло это слѣдующимъ образомъ. Однимъ вечеромъ она сидѣла съ своимъ женихомъ въ трактирѣ; въ карманѣ у нихъ не было ни копѣйки, и не было пріятеля, который-бы могъ угостить. На счастье или, вѣрнѣе, на несчастье, въ трактиръ явилась знакомая Ольги, тоже проститутка, въ сопровожденіи одного не-

лодого человѣка. Началась пирушка. Когда компанія порядочно выпила, молодой человѣкъ ушелъ съ дѣвушкой, а за ними послѣдовалъ женихъ Ольги; сама Ольга осталась въ трактирѣ его ждать. Женихъ скоро вернулся и принесъ Ольгѣ три рубля. Черезъ нѣкоторое время женихъ, Ольга и ея знакомая были арестованы. Оказалось, что молодого человѣка по дорогѣ ограбили, сняли съ него часы и сюртукъ; вещи были немедленно заложены, и деньги подѣлены между женихомъ и дѣвушкой. Когда на судѣ предложили Ольгѣ вопросъ, знала ли она, откуда рабочій взялъ деньги, которыя онъ ей принесъ, она отвѣтила:

— Вѣдь я проститутка; мнѣ неизвѣстно, какія деньги мнѣ даютъ.

Женихъ Ольгинъ и ея знакомая поплатились тюремнымъ заключеніемъ; Ольга была оправдана, но подверглась административной высылкѣ изъ города. Жизнь проститутки ужъ опротивѣла ей; она говорила, что, если рабочій, по выходѣ изъ тюрьмы, на ней женится, то она броситъ свое несчастное ремесло.

Обыкновенно только въ началѣ поприща своего проститутки увлекаются шумомъ и разнообразіемъ своей жизни: въ большинствѣ случаевъ это—бывшія работницы, тяжелымъ трудомъ добывавшія себѣ хлѣбъ насущный, но и только. Пройдетъ года два—три, неестественная жизнь потеряетъ свои прелести и откроетъ свои язвы, захочется вернуться на прежній путь, но вырваться изъ омута ужъ трудно.

Надежда, молодая особа лѣтъ 25-ти, долго и сильно боролась передъ тѣмъ, какъ спуститься до незавидной профессіи, ее погубившей. Она работала въ бѣлошвейной мастерской и цѣлыхъ четыре года старалась выбиться на дорогу, устроить какое-нибудь дѣло, выйти замужъ, чтобы жить, по ея словамъ, «какъ всѣ люди живутъ». Всѣ ея усилія были тщетны. Она стала проституткой. Впослѣдствіи, ужъ за нѣсколько мѣсяцевъ до тюрьмы, она познакомилась съ однимъ студентомъ,

который далъ ей слово жениться на ней и добыть средства для открытія магазина. Они поселились вмѣстѣ, и Надежда занималась позорнымъ ремесломъ, чтобы кормить его и себя въ ожиданіи будущихъ благъ. Но тутъ она заразилась сифилисомъ, и всѣ ея упованія на грядущее счастье обратились въ прахъ. Изъ больницы она была переведена въ тюрьму для высылки на родину. Ея другъ-студентъ ни разу даже не навѣстилъ ея ни въ больницѣ, ни въ тюрьмѣ.

Въ одной камерѣ съ Надеждою находилась молодая дѣвушка лѣтъ 18-ти, по имени Серафима, также привезенная въ тюрьму прямо изъ больницы, гдѣ она лѣчилась отъ той-же болѣзни, что и Надежда. Тяжело было видѣть, какъ она, лежа на кровати, стонала отъ боли, вызванной уколами по всему тѣлу отъ лѣченія подкожнымъ вспрыскиваніемъ ртути. Она замѣтно поправлялась и дѣлалась веселѣе. Она разсказывала массу анекдотовъ самаго скромнаго свойства, подражала деревенскому разговору и вообще смѣшила публику. Серафима обнаруживала черты весьма симпатичнаго характера. Разъ она вбѣжала въ камеру вся красная, со словами: «Ой, какъ стыдно, какъ стыдно!» Всѣ недоумѣвали, въ чемъ дѣло. Оказалось, что прокуроръ, посѣтившій тюрьму, полюбопытствовалъ, за что она высылается, и ей пришлось отвѣтить, что за проституцію; соврать она не могла. На нее находили иногда минуты тоски, и тогда она становилась скучною и по временамъ плакала. Она жалѣла о своей погибшей молодости, жаловалась что этапы ее измучили: она шла уже третій разъ, а часть пути постоянно совершалась пѣшкомъ. На свое будущее она смотрѣла очень мрачно. Исторія Серафимы—очень несложна. Будучи ученицей въ одной золотошвейной мастерской, она посылалась часто съ записками отъ старшей мастерицы къ знакомому господину этой послѣдней, которому она мало-по-малу приглянулась. Сталъ онъ дарить ей конфеты, и, встрѣтившись разъ съ нею на улицѣ, онъ предложилъ ей поѣхать съ нимъ кататься за-городъ. Она увлеклась имъ и

прожила съ нимъ 6 мѣсяцевъ; потомъ онъ ее бросилъ, она перешла къ его товарищу и т. д.

Большинство проституткъ было грамотно. Въ тюрьмѣ я встрѣтила среди нихъ даже одну бывшую гимназистку, которая, повидимому, еще была охвачена первымъ пыломъ очарованія этою жизнью и о себѣ ничего не разсказывала.

Находившіяся въ тюрьмѣ проститутки ждали всѣ съ нетерпѣніемъ прихода изъ полицейской части нѣкоей Фенички, подвиги которой приводили ихъ въ восторгъ и служили обильнымъ матеріаломъ для разговоровъ. Особенно восхищались талантомъ, съ которымъ Феничка увертывалась отъ надзирателей, забиравшихъ ихъ по улицамъ, и искусствомъ, съ которымъ она предавала ихъ всеобщему позорищу, когда имъ удавалось ее гдѣ-либо накрыть. Въ подобныхъ случаяхъ дѣло безъ скандала не обходилось: она не щадила бранныхъ словъ, нерѣдко била надзирателя зонтикомъ, поднимала крикъ на всю улицу, а когда вокругъ нихъ собирался народъ, она громко обзывала надзирателя весьма непочетнымъ прозвищемъ, имѣющимъ отношеніе къ его должности. Наконецъ, Феничку привели изъ части. Прибытіе ея произвело фуроръ; разспросамъ и разсказамъ не было конца. Феничка была женщина лѣтъ 28-ми, роста выше средняго, брюнетка, съ умнымъ энергичнымъ лицомъ и плутовскими глазами. Этапомъ она шла часто, такъ какъ была «лишена Питера», т. е. лишена права жительства въ столицѣ на 3 года, но за сомовольное возвращеніе ей постепенно дѣлали къ этому сроку надбавки, и срокъ переходилъ въ безконечный. При каждомъ этапѣ она брала «полнякъ» (т. е. весь полагающійся на арестанта костюмъ), продавала его на мѣстѣ прибытія и возвращалась обратно. По мужу, съ которымъ она не жила ужъ одиннадцать лѣтъ, она оказывалась военною дамою, и потому за арестантскую одежду ни съ кого не взыскивалось. Проституціей занималась она ужъ лѣтъ десять. Въ промежуткѣ этого времени она прожила нѣсколько лѣтъ съ однимъ евреемъ, котораго она, очевидно, любила. Но,

захворавъ какою-то женскою болѣзнью и подвергшись сложной операціи, она, лежа въ больницѣ, произнесла обѣтъ, что, въ случаѣ выздоровленія, она больше не будетъ жить съ евреемъ, такъ какъ она считала это грѣхомъ. Обѣтъ свой она свято исполняла. Съ своимъ «еврейчикомъ», какъ она его называла, Феничка осталась въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ; въ трудныя минуты, когда безпорядочная жизнь ей надоѣдала, она отправлялась къ нему и тамъ спасалась отъ тоски и отчаянія и отдыхала душою, предаваясь мирному хозяйничанію въ скромной обстановкѣ. «Еврейчикъ» имѣлъ сапожную мастерскую съ магазиномъ, содержалъ у себя много чужого народа, и ея приходъ всегда былъ кстати. Въ одно изъ такихъ нашествій къ другу, Феничкѣ застала у него новую хозяйку; Феничка сейчасъ-же распорядилась о ея удаленіи. Она сказала, что не допуститъ, чтобы его обирали; но что, если онъ женится на ней, Феничкъ, по закону, то она противъ этого ничего не имѣетъ. Однако, другъ ея, хотя, повидимому, все не могъ ея забыть, но все не женился. Какъ только Феничка попадала въ тюрьму, онъ являлся единственнымъ и незамѣнимымъ для нея посѣтителемъ; онъ давалъ ей деньги, приносилъ все необходимое и выказывалъ всевозможныя о ней заботы. Вообще, эта дружба была очень трогательная.

Феничка обладала благородной, отзывчивою душею и замѣчательно честнымъ характеромъ. Одинъ разъ за обѣдомъ у какой-то арестантки пропало 15 копѣекъ. По поводу этого событія Феничка подняла всю тюрьму на ноги и убѣдила надзирательницу всѣхъ обыскать. Какъ только по тюрьмѣ стало извѣстно, что будутъ всѣхъ обыскивать (что, очевидно, имѣло цѣлью, лишь запугать виновную), одна изъ арестантокъ возвратила пятиалтынный по принадлежности. Феничку этотъ фактъ возмущалъ до глубины души; главное, ее приводило въ негодованіе то, что украли у «своего же брата, арестанта-бѣдняка».

Феничка, какъ и другія проститутки, говорила, что, какъ

только ей кончится срокъ высылки, она броситъ свое ремесло и заживетъ иною жизнью. Удалось-ли ей это?

Проститутки забирались и высылались главнымъ образомъ за то, что онѣ гуляли по большимъ улицамъ и вообще въ запретныхъ для нихъ мѣстахъ; между тѣмъ только въ подобныхъ мѣстахъ онѣ имѣли возможность заработать тѣ деньги, которыя требовались ихъ профессіей и общественнымъ положеніемъ, обусловливающимъ большіе расходы на платья и наряды. Лишенныя права жительства должны были, кромѣ того, тратить громаднѣйшія деньги хозяевамъ, державшимъ ихъ на квартирѣ безъ прописки. Напримѣръ, Феничка платила 60 рублей въ мѣсяцъ за одну только комнату, гдѣ она сидѣла цѣлый день, какъ въ тюрьмѣ. Вечеромъ она выходила на улицу подъ густою вуалью, чтобы ея не узналъ надзиратель, и, только минувъ опасныя мѣста, она снимала вуаль и направлялась, куда ей было нужно.

Послѣ того, какъ я ближе ознакомилась съ жизнью проституткъ по ихъ собственнымъ разсказамъ, мнѣ сдѣлалось яснѣе, чѣмъ когда-либо, какъ нелѣпа попытка, навѣянная уголовно-антропологическими идеями Ломброзо, при помощи измѣренія череповъ и изученія анатомо-физіологической конституціи проституткъ, выдѣлить ихъ въ особою группу, или рассу, путемъ установленія для нихъ особаго, естественнаго типа, какъ-бы предопредѣленнаго an und für sich къ извѣстному образу жизни. Для всякаго непредубѣжденнаго человѣка ясно, что это тѣ же люди, состоящіе изъ той же плоти и крови, съ тою же душею и тѣми же задатками правильнаго развитія, какъ и обыкновенные смертные; если въ нихъ и есть нѣкоторое прирожденное расположеніе къ уклоненію съ прямого пути, то оно такого рода, что способно быть вполнѣ нейтрализовано нормальными условіями. Дѣйствительной же и главной причиной проституціи является ненормально обставленный трудъ; уже только роль второстепенныхъ и побочныхъ факторовъ въ дѣлѣ совращенія играютъ вліянія дурного воспитанія, дурной

среды, невѣжества и пр. Работаетъ молодая дѣвушка въ какой-нибудь мастерской, гдѣ за цѣлый день тяжелаго, неустаннаго труда она получаетъ гроши, на которые прожить сколько-нибудь сносно нѣтъ никакой возможности; она рвется на волю, къ лучшей жизни и исходъ себѣ думаетъ найти въ проституціи. Веселая жизнь вначалѣ увлекаетъ проститутокъ; онѣ кружатся въ чаду удовольствій, онѣ всецѣло поглощены одуряющимъ вихремъ перемѣнъ и не въ состояніи опомниться. Опьяненіе вскорѣ проходитъ и уступаетъ мѣсто пресыщенію и отвращенію, но жертва уже слишкомъ запуталась въ свои сѣти. Еще нѣкоторое время, и бѣдняжка поражена серьезнымъ недугомъ; она попадаетъ въ больницу, изъ больницы въ тюрьму, а оттуда высылается на мѣсто приписки. Тутъ начинается цѣлый рядъ безконечныхъ мытарствъ. Будущее рисуется въ перспективѣ сплошной болѣзни и сплошного этапа. Тьма безъ просвѣта. Молодость погибла...

Большинство проститутокъ, какъ я уже сказала, вербуется изъ бѣдныхъ работницъ. Были въ тюрьмѣ и такія, которыя, занимаясь проституціею, не бросали и своей работы.

Почти всѣ видѣнныя мною проститутки имѣли женихов или постоянныхъ сожителей. Такъ, Феня имѣла постояннаго друга, котораго она себѣ пріобрѣла послѣ того, какъ она дала свой извѣстный обѣтъ. Ольга, какъ мы уже знаемъ, имѣла жениха-слесаря. У Надежды, сожительствовавшей со студентомъ, обѣщавшимъ на ней жениться, былъ другой постоянный другъ, офицеръ, который сильно интересовался ея судьбою и, судя по ея разсказамъ и его письмамъ къ ней, читаннымъ мною, не прочь былъ-бы на ней жениться, еслибы не всесильные предразсудки. Другая проститутка, Марія, тоже имѣла постояннаго сожителя и сама не могла понять,почему, несмотря на это, ее тянетъ къ проституціи; вѣроятно, тутъ сказывалось вліяніе долголѣтней привычки къ комфортабельной жизни,— ея другъ былъ человѣкъ небогатый. Саша, дѣвушка лѣтъ 18-ти, имѣла жениха-кондитора ужъ съ 14 лѣтъ и жила вмѣстѣ съ нимъ у своей

матери. На мой вопросъ, почему она занимается проституціею, когда женихъ ея зарабатываетъ хорошія деньги, она отвѣтила: «Да просто скучно, ну и пойдешь иногда къ подругѣ, а тамъ и застрянешь». Изъ нѣкоторыхъ ея словъ я заключила, что она не любила своего жениха, но мать ея поддерживаетъ эту связь.

У всѣхъ проститутокъ раньше или позже наступаетъ періодъ, когда ими овладѣваетъ горячее стремленіе выбраться изъ болота на настоящую дорогу, зажить естественною и нормальною жизнью. Противодѣйствіе, которое онѣ встрѣчаютъ въ осуществленіи своей мечты, заключается отчасти въ нихъ самихъ, — не въ какой-либо органической необходимости, а въ благопріобрѣтенныхъ привычкахъ и потребностяхъ, поддающихся, при достаточной энергіи, воздѣйствію осмысленной инициативы,—отчасти же внѣ ихъ, въ жестокой совокупности наличныхъ соціальныхъ условій. Но ни одинъ изъ дѣйствующихъ въ данномъ случаѣ факторовъ не заключаетъ въ себѣ какихъ-либо элементовъ роковой неизбѣжности зла.

По своему характеру, развитію и отсутствію мелочности, тюремныя проститутки стояли выше большинства другихъ арестантокъ. Я съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю объ этихъ милыхъ, несчастныхъ существахъ. Гдѣ-то онѣ теперь?

VI

Слѣдующую значительную категорію арестантокъ составляли высылаемыя за нищенство. Сидѣли онѣ постоянно одною изолированною группою, и въ тюрьмѣ ихъ было мало слышно. Онѣ, видно, были рады, что тюрьма обезпечиваетъ ихъ теплымъ угломъ и пищею, и потому изъ тюрьмы не торопились; нѣкоторыя прямо ликовали, когда отправка затягивалась въ долгій ящикъ.

Между ними выдавалась одна старуха, бодрая, высокая,

всегда чисто одѣтая. Изъ уваженія къ ея лѣтамъ, ее звали Марковной. Никто-бы не далъ ей по виду тѣхъ 96-и лѣтъ, которыя она имѣла на самомъ дѣлѣ. Говорила она очень много, бранила начальство и гордилась тѣмъ, что разъ ее за нищенство арестовалъ на улицѣ «самъ генералъ» и велѣлъ городовому отвести ее въ участокъ. Въ молодости она была кормилицей у какихъ-то господъ; оставшись на старости лѣтъ совершенно одинокою, она часто наѣзжала за помощью къ своему питомцу. Надо думать, однако, что помощь его была недостаточна, такъ какъ каждый разъ она прибѣгала къ прошенію милостыни. Этапомъ шла она уже одиннадцать разъ и нисколько этимъ не смущалась.

— Мнѣ что, говорила она, пущай возятъ на казенный счетъ, ежели имъ охота. Мнѣ еще лучше. А что мужики ругаются, что имъ приходится въ рабочую пору везти (съ желѣзнодорожной станціи ее доставляли на обывательскихъ лошадяхъ въ деревню), то я этому не виновата; куда мнѣ, старухѣ, пѣшкомъ итти? Пущай не высылаютъ. И что они только со мною, старухою, дѣлаютъ, ума не приложу. Пробовали было меня въ Орловскую губернію выслать—пришла обратно; теперь высылаютъ—прихожу когда мнѣ надо. Ничего они не возьмутъ со старухи, себѣ-же только грѣхъ на душу берутъ.

Были нищія-спеціалистки, опустившіяся до потери человѣческаго образа и ни за что, кромѣ попрошайничества, не могшія взяться. Изъ этой категоріи обращала на себя вниманіе женщина лѣтъ сорока, со слѣдами былой красоты; она говорила, что нищенствуетъ только для того, чтобы отомстить человѣку, доведшему ее до подобнаго состоянія. «Пусть онъ казнится, говорила она, пусть онъ видитъ, до чего онъ меня довелъ! Когда онъ меня бросилъ, я хотѣла сдѣлаться богатой, блестѣть, чтобы доказать ему, что я въ немъ не нуждаюсь. Я, дѣйствительно, зарабатывала большія деньги, но болѣзнь меня сразила.» Оспа, дѣйствительно, оставила слѣды на ея лицѣ, сдѣлавъ ее, по ея словамъ, неузнаваемою; о томъ, что она болѣла

и сифилисомъ, она умолчала, но это было несомнѣнно. Вслѣдствіе потери красоты, она должна была отказаться отъ проституціи, но пьянства она не оставила. Она разсказывала, какъ иногда не ѣстъ цѣлый день, чтобы потомъ на собранныя къ вечеру деньги накупить водки, пива, колбасы, булокъ и снести все это домой, послѣ чего въ берлогѣ, гдѣ она жила съ своими товарищами, шелъ пиръ горою. Она хорошо работала, и потому ее убѣждали остаться подольше въ тюрьмѣ (гдѣ шили бѣлье для флотскихъ солдатъ); но она изо всѣхъ силъ рвалась на волю, такъ какъ безъ водки, очевидно, жить не могла. Привычку краситься, свойственную большинству проститутокъ, она сохранила и въ тюрьмѣ, хотя красныя щеки совсѣмъ не шли къ ея синему отъ пьянства лицу.

Среди высылаемыхъ за нищенство попадались женщины, забранныя на улицѣ по ошибкѣ. Такъ, одна чухонка, пріѣхала навѣстить своего сына, пристроеннаго къ какому-то дѣлу. Съ грудным ребенкомъ на рукахъ, она съ вокзала отправилась пѣшкомъ, такъ какъ до мѣстонахожденія сына было не особенно далеко; но все-же она пристала и сѣла отдохнуть у забора одной больницы. Тутъ ее городовой «сцапалъ» и привелъ въ участокъ. Съ сыномъ она свидѣлась уже только въ тюрьмѣ. Она все время волновалась и твердила: «Я не просилъ, я мѣю домъ и земля, могу еще другимъ дать, пріѣхалъ сына смотрѣть». Бѣдная женщина думала, что жалобы ей помогутъ, и что она будетъ выпущена изъ тюрьмы, чтобы поѣхать на свой счетъ. Но она была отправлена этапомъ, какъ и многія другія, которыхъ высылаютъ положительно ни за что.

Сверхъ «марухъ», какъ называли въ тюрьмѣ проститутокъ, и «стрѣляющихъ», т. е. занимающихся нищенствомъ, въ тюрьмѣ были и «фартовыя», или воровки. Изъ этихъ послѣднихъ я отмѣчу двухъ: одну изъ Новгородской губерніи, гдѣ она и «работала», и другую, крестьянку Петербургской губерніи. Первую звали Авдотьей, вторую—Пелагеей. Несмотря на общую профессію, онѣ представляли совершенный контрастъ по характерамъ и отчасти

даже относились другъ къ другу враждебно. Авдотья, здоровая деревенская дѣвка, всецѣло проникнутая артельнымъ духомъ, въ извѣстномъ смыслѣ какъ-бы родилась для тюрьмы. Въ одной провинціальной тюрьмѣ, гдѣ она была своимъ человѣкомъ, она чувствовала себя какъ дома и задавала тонъ; по ея иниціативѣ и подъ ея руководствомъ въ тюрьмѣ устраивались стачки противъ начальства. Разъ бунтъ возникъ изъ-за того, что арестанткамъ принесли котелъ съ пищею, въ которой лежала дохлая кошка. Арестанты и арестантки, вдохновленные всѣ ея энергіею, открыли военныя дѣйствія: они поставили цѣлый рядъ условій и отказались отъ всякихъ работъ. Авдотью, конечно, посадили въ карцеръ; но сѣрое населеніе продолжало волноваться до тѣхъ поръ, пока начальство не пошло на уступки. Словомъ, она отстаивала арестантскіе интересы и была душою тюрьмы. Кромѣ физической силы, она обладала твердымъ характеромъ и какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ неотступно преслѣдовала свою цѣль. Смѣлая и рѣшительная, она ни передъ кѣмъ не лебезила, говорила мало, о вещахъ судила совершенно самостоятельно, о подвигахъ своихъ разсказывала, какъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Изъ провинціальной тюрьмы, гдѣ она сидѣла ужъ чуть-ли не десятый разъ, она была освобождена подъ надзоръ полиціи. На родинѣ, по ея словамъ, ей сейчасъ было дѣлать нечего, такъ какъ женихъ ея еще досиживалъ свой срокъ. И вотъ она, не долго думая, собралась и поѣхала въ Петербургъ, гдѣ въ самый день прибытія была арестована при попыткѣ вытащить деньги изъ кармана у одной проходящей дамы. Карманное воровство было ея спеціальностью, но она не отказывалась отъ участія, вмѣстѣ съ мужскою компаніею, во взломахъ замковъ. Она прекрасно вышивала, и въ тюрьмѣ ей надавали много работы; но остаться на нѣкоторое время въ тюрьмѣ поработать она ни за что не хотѣла: у ней были на этотъ счетъ свои соображенія. «Мнѣ нужно, говорила она, какъ можно скорѣе отсюда улепетнуть. Если и возбудятъ противъ меня дѣло за здѣшнее качество, то

я тогда, по крайности, буду сидѣть въ своей тюрьмѣ; тамъ и безъ того будетъ высидка за самовольную отлучку». Какъ-то разъ я задала ей вопросъ, не думала-ли она о томъ, что она дурно поступаетъ, обкрадывая другихъ. «Вѣдь я беру только у богатыхъ»—былъ ея лаконическій отвѣтъ.

Другая «фартовая», Пелагея, совсѣмъ не была похожа на деревенскую бабу, несмотря на свое деревенское происхожденіе; городской костюмъ, манеры, способъ держаться указывали въ ней скорѣе горожанку. Она была средняго роста, съ смуглымъ лицомъ и большими черными глазами. Въ тюрьмѣ она была гостьей. Ко всей толпѣ арестантокъ она относилась презрительно и рѣдко кого удостаивала своимъ вниманіемъ. Иногда, впрочемъ, она разсказывала съ гордостью о своихъ похожденіяхъ. Интересно было ея повѣствованіе о томъ, какъ ей удалось разрѣшить трудную задачу свидѣться со своимъ сожителемъ, отбывавшимъ срокъ наказанія въ арестантскомъ отдѣленіи, ужъ послѣ того, какъ она была лишена права жительства въ городѣ: свиданіе выпросила будто для себя его сестра, ходила же на свиданіе она сама при чемъ, такъ какъ въ тюрьмѣ ее знали, то ей приходилось маскироваться. Говорила она всегда громко, сидя на противоположномъ концѣ комнаты. Разъ она поспорила съ Авдотьей. «По моему, — сказала она, разгорячившись, — коли фартовая, такъ фартовая и есть; нечего изъ себя святошу корчить; это дѣлай, а того не дѣлай. Когда надо, такъ и проституткой будешь». Пелагея «брала» не только у богатыхъ, какъ это дѣлала или думала дѣлать Авдотья; жертвою ненасытности Пелагеи могъ сдѣлаться всякій, имѣвшій несчастіе познакомиться съ нею. Подъ личиною проститутки, она заманивала свои жертвы въ какой-нибудь вертепъ, чтобы тамъ ихъ напоить и обобрать. Сожитель ея высылался по приговору общества въ Сибирь, и она собиралась слѣдовать туда вмѣстѣ съ нимъ, но не знала, какъ быть съ своимъ четырехлѣтнимъ ребенкомъ, воспитывавшимся въ деревнѣ у ея родныхъ.

Остальную массу арестантокъ составляли тюремные разночинцы, концентрированные въ стѣнахъ тюрьмы по самымъ различнымъ и частью неуловимымъ причинамъ и образующіе безформенный конгломератъ, не поддающійся раздѣленію на группы или категоріи. Тутъ фигурировали высылаемые и по подозрѣнію, и по безписьменности, и просто невѣдомо за что. Тутъ была, напримѣръ, одна прачка, сожитель которой подвергся высылкѣ за какія-то «качества»; по пути захватили и ее. Компетентное лицо, имущее власть, откровенно сказало ей, что полиція противъ нея ничего не имѣетъ, зная ее за хорошую, работящую дѣвушку, но что, разъ ея сожитель высылается, то и она должна уѣхать (!). Бѣдная дѣвушка, такимъ образомъ, безъ всякаго повода была предана остракизму.

Въ числѣ этихъ разночинцевъ была «генеральша» (на самомъ дѣлѣ, генеральская дочь), шедшая этапомъ уже нѣсколько разъ. Она была ужъ немолода, очень некрасива, но въ высшей степени добродушна и наивна. Она получила воспитаніе въ одномъ изъ первоклассныхъ институтовъ, по выходѣ изъ котораго ее стали вывозить въ свѣтъ. Судьба ее столкнула съ какимъ-то грекомъ, который ее похитилъ изъ отцовскаго дома и увезъ за-границу, гдѣ она вояжировала до тѣхъ поръ, пока онъ ея не бросилъ. Она вернулась въ Россію, но родители ея не приняли. Съ тѣхъ поръ она мыкалась по свѣту и дошла до тюрьмы. Ѣздила она къ своимъ родственникамъ въ другія мѣста, но всюду отказывались имѣть съ нею дѣло и даже видѣть ее, и она добивалась лишь того, что ее высылали «за безписьменностью». Судя по ея костюму, она на волѣ сильно бѣдствовала. Она говорила, что могла-бы найти занятія въ качествѣ учительницы, но, слабъ человѣкъ, она любила водку. Въ тюрьмѣ, очевидно, она себя чувствовала хорошо, и начальство къ ней благоволило. Она отличалась словоохотливостью, любила разсказывать о своемъ грекѣ, знала массу исторій и анекдотовъ, любила вести пикантные разговоры съ «марухами». Изъ всѣхъ ея анекдотовъ, мнѣ по-

чему-то особенно запомнился слѣдующій, который она выдавала за дѣйствительность. Нѣкая женщина, съ которою она потомъ будто-бы сидѣла въ одной тюрьмѣ, рѣшилась обратиться къ архіерею съ просьбой о матеріальной помощи. Будучи сама безграмотна, она попросила одного студента изложить письменно, что ей нужно. И вотъ, посланіе, составленное студентомъ, вышло въ видѣ слѣдующаго четверостишія:

Сѣю-вѣю, вѣю-сѣю,
Пишу просьбу къ архіерею:
Архіерей мой, архіерей!
Дай мнѣ денегъ поскорѣй!

Среди высылаемыхъ за безписьменность были двѣ сестры, крестьянки Олонецкой губерніи, пришедшія пѣшкомъ въ Петербургъ продавать нитки. Одна изъ нихъ была дѣвушка 16-ти лѣтъ, а другая, замужняя, лѣтъ 23-хъ. Въ большой свѣтъ онѣ пустились впервые. Живя въ своей деревнѣ, свободныя какъ птицы, онѣ не знали, какіе строгіе законы существуютъ за чертою ихъ захолустья. Послѣ долгихъ мытарствъ, онѣ до стигли, наконецъ, желанной цѣли, города, въ которомъ разсчитывали поправить свои дѣла; но черезъ четыре часа послѣ прибытія онѣ, къ немалому своему изумленію, были арестованы. Находясь уже въ тюрьмѣ, онѣ не могли разобраться въ томъ, что съ ними случилось, и на вопросъ, за что ихъ высылаютъ, ничего не могли отвѣтить. Лишь надзирательница мнѣ объяснила, что паспорта, полученные ими изъ волости, были краткосрочные, а согласно установившемуся въ Петербургѣ правилу, такіе паспорта вовсе не прописываются, а предъявители ихъ подвергаются немедленно высылкѣ изъ города; возможно, впрочемъ, что въ данномъ случаѣ паспорта уже оказались просроченными. Испорченная арестантская среда, повидимому, на нихъ нисколько не дѣйствовала; обѣ онѣ по цѣлымъ днямъ работали и мысленно жили въ деревнѣ, въ кругу своихъ родныхъ.

Такихъ арестантокъ, которыя шли-бы этапомъ въ первый разъ, было сравнительно очень мало. За то были такія, которыя приписаны недалеко отъ города. Но и разстояніе этапнаго пути не стѣсняетъ тѣхъ, кто въ деревнѣ можетъ умереть отъ голода, будь это проститутка или нищая. Я видѣла въ тюрьмѣ одну женщину, которая уже одиннадцать лѣтъ шла этапомъ на родину, отстоящую отъ Петербурга на 700 верстъ; не успѣетъ она прибыть на мѣсто, какъ уже возвращается пѣшкомъ обратно, побираясь по дорогѣ Христовымъ именемъ. «Иду я всегда одна,—разсказывала она,—потому, кто ихъ знаетъ, какой еще попутчикъ попадется. Нечего Бога гнѣвить, дѣлаю 60 верстъ въ день, чтобы только не сглазить. Вечеромъ приду въ какую-нибудь деревню, всякій пуститъ прохоженькую переночевать и накормитъ. Такъ я и пробираюсь. Одинъ разъ только было такъ. Пришла я въ одну деревню, зашла въ избу. Ночевать-то пустили, а ѣсть не даютъ—уже отужинали, и хозяйка убрасть со стола. А ѣсть мнѣ ужасно хочется. Устала я—сижу. Вдругъ съ печи кричитъ, должно быть, самъ хозяинъ: Матрена, ты чего прохоженькую не накормишь? Взяла она и положила около меня кусокъ хлѣба. Я стала ѣсть. Увидѣлъ это хозяинъ, что я одинъ хлѣбъ ѣмъ, опять и кричитъ: Матрена, ты чего прохожей щецъ не даешь? Али нѣту? Тутъ хозяйка принесла и щей. Это въ первый разъ за все время, что хожу, а то всегда кормятъ». Очень трогательно она разсказывала о томъ, какъ однажды она прибыла въ Петербургъ наканунѣ Пасхи, и, какъ на зло, тотчасъ же попалась на глаза городовому, знавшему, что она не имѣетъ права жительства. Тотъ хотѣлъ ее сейчасъ-же арестовать и отвести въ участокъ, но она стала упрашивать его дать ей хоть отдохнуть съ дороги; и вотъ онъ предоставилъ ей погулять всѣ праздники и только потомъ ее забралъ.

Контингентъ высылаемаго люда пополнялся вообще изъ того «вреднаго элемента», отъ котораго, цѣною милліоновъ, потраченныхъ на ничто, стараются избавиться всѣ «благо-

устроенные» города. Но въ какой мѣрѣ этотъ «вредный элементъ» въ своей совокупности дѣйствительно заслуживаетъ этого названія, видно изъ того, что въ составъ его попадаютъ такія невинныя созданія, какъ сестры-крестьянки, и такія въ сущности безобидныя существа, какъ Марковна или «генеральша». Я не говорю уже о жертвахъ случайныхъ ошибокъ или случайныхъ капризовъ. Я не касаюсь также вопроса о томъ, совмѣстимы ли огульныя высылки людей, не совершившихъ никакого преступленія, съ чувствомъ общественной справедливости. Какъ безуспѣшна высылочная система въ смыслѣ достиженія преслѣдуемыхъ администраціею цѣлей, указывается тѣмъ, что она не въ состояніи удержать высланнаго субъекта отъ возвращенія на запретный для него пунктъ и сводится, такимъ образомъ, къ безконечной прогулкѣ арестанта подъ охраною конвоя, къ какому-то этапному pergetuum mobile. Это не только переливаніе изъ пустого въ порожнее, но и хуже того: путемъ пріобщенія къ тюремной сферѣ и ассимиляціи съ арестантскою средою человѣка еще не испорченнаго, этапъ пріучаетъ его къ бродячей, арестантской жизни, воспитываетъ въ немъ новые инстинкты и наклонности и уродуетъ его въ нравственномъ отношеніи. Спрашивается, не лучше ли, вмѣсто того, чтобы бросать огромныя суммы не только безъ пользы, но и съ явнымъ вредомъ, на дѣло перемѣщенія людей, представляющихъ дѣйствительную или мнимую опасность для общественнаго благоустройства и общественной нравственности, не лучше-ли было-бы утилизировать эти средства на уврачеваніе язвъ народной жизни, на поднятіе народнаго образованія, на оказаніе покровительства труду бѣдныхъ работницъ, на призрѣніе обездоленной голи...

VII.

Былъ май мѣсяцъ. Со всѣхъ концовъ матушки-Россіи обыкновенно въ это время направляются большія арестантскія

партіи въ московскую пересыльную тюрьму, такъ называемую «централку», чтобы оттуда слѣдовать въ далекій путь. Въ серединѣ мая была назначена къ отправкѣ и изъ Петербурга партія, въ которую была включена и я. Дни отправки являются праздничными пунктами на однообразно-будничной этапной линіи; они вносятъ нѣкоторое разнообразіе въ монотонную тюремную жизнь: начальство суетится, въ конторѣ возня, всѣ бѣгутъ и волнуются, всюду бросается въ глаза кипучая дѣятельность.

Какъ только составъ партіи выяснился (наканунѣ этапнаго дня), арестантки, назначенныя въ путь, стали укладывать свои пожитки, упаковывали вещи поцѣннѣе, оставляя на дорогу одежду болѣе скромную, прятали предметы контрабандные, какъ зеркальца и ножики. Нѣкоторыя перешивали изъ своихъ подушекъ нѣчто въ родѣ ватныхъ юбокъ, такъ какъ подушекъ конвой не принимаетъ. Нѣсколько разъ насъ вызывали въ канцелярію: то для объявленія объ отправкѣ, то для переклички, то для выдачи собственныхъ денегъ, хранившихся въ конторѣ. Тѣмъ, кто просилъ, выдавалась казенная одежда. Однимъ словомъ, арестантки чувствовали себя героинями дня: онѣ относились уже съ бо̀льшимъ уваженіемъ къ самимъ себѣ и съ меньшею боязнью къ начальству.

Послѣ новѣрки, когда все успокоилось, возникъ вопросъ о томъ, какая надзирательница будетъ завтра дежурить,— вопросъ очень важный, такъ какъ отъ присутствія той или другой надзирательницы зависѣла судьба запретныхъ вещей. Когда опредѣлилось, что дежурить будетъ «чепчикъ», всѣ обрадовались. Эта надзирательница была старуха лѣтъ 60-ти, бывшая помѣщица, аристократка, оплакивавшая крѣпостное право и презиравшая арестантокъ до такой степени, что не считала ихъ людьми. Мѣсто въ тюрьмѣ взяла она, какъ она сама говорила, «для развлеченія», и она дѣйствительно развлекалась. Въ сущности, по натурѣ она была не злая; но въ безконтрольномъ господствѣ надъ арестантками, въ процессѣ внушенія имъ ихъ рабски-подчиненнаго положенія она нахо-

дала наслажденіе, и эта своеобразная черта руководила ея дѣйствіями. Во время ея дежурства, прекращался въ отдѣленіи обычный шумъ; никто не смѣлъ громко говорить или смѣяться; хотя двери камеръ днемъ не закрывались, арестантки боялись шагать по корридору. Она способна была придраться къ каждому слову. Даже причесываться арестантки не смѣли такъ, какъ имъ-бы это хотѣлось; если чья-либо прическа казалась ей слишкомъ кокетливой, она подводила виновную къ крану, инкриминируемая прическа подвергалась разрушенію и замѣнялась, по ея волѣ, гладкою. Ни одно ея дежурство почти не проходило безъ того, чтобы кто-либо изъ арестантокъ не посидѣлъ въ карцерѣ, темной конурѣ, гдѣ находились парашки и всякая дрянь. Явившись въ тюрьму, она обходила всѣ камеры, причемъ арестантки обязательно должны были передъ нею встать. Первымъ долгомъ она отыскивала дворянокъ «новенькихъ», милостиво съ ними бесѣдовала и «отечески» укоряла за то, что попали въ тюрьму. О дворянкахъ она заботилась и, хотя онѣ получали порціонныя деньги, давала имъ обѣдъ казенный, а иногда и что-нибудь со своего стола. Она любила говорить по французски и полагала, что всѣ дворянки должны знать этотъ языкъ. Жаловала она и меня, постоянно подавала руку и просила остаться сидѣть, когда я вовсе и не думала вставать передъ нею. Не знаю ужъ, чѣмъ я ей понравилась, но она очень жалѣла, что не всѣ арестантки—такія, какъ я. Она жаловалась на распущенность арестантокъ и приписывала себѣ заслугу водворенія въ тюрьмѣ нѣкотораго порядка. Но, повторяю, сердце у нея было не злое, строгія тюремныя правила она мало соблюдала и нравившимся ей арестанткамъ оказывала помощь и услуги. Одною чертою своею она была для арестантокъ прямо желательною начальницею: изъ чувства брезгливости къ тюремнымъ существамъ, она сама никогда ихъ не обыскивала, да и вообще не считала обыска достойнымъ для себя дѣломъ. Она заставляла производить обыскъ арестантокъ старостиху;

если же той было некогда, то это исполняли сами арестантки. Вотъ почему послѣднія были рады, что въ день отправки партіи будетъ дежурить такая надзирательница.

Въ самый день этапа арестантки встали раньше обыкновенно и раньше напились чаю. Вскорѣ принесли обѣды для отправляющихся. Часовъ въ 11 пришелъ конвой, и началась пріемка партіи. Намъ, этапнымъ, было предоставлено толкаться въ корридорѣ, тогда какъ всѣ остальныя находились подъ замкомъ въ камерахъ. Лилъ страшный дождь. Въ воздухѣ словно вѣяло грустью. Слышалась обычная предъ-этапная пѣсня, весьма заунывная, изъ которой мнѣ въ память врѣзались слѣдующіе два стиха:

Кого-то здѣсь изъ насъ не станетъ,
Кого-то тройчка умчитъ.

Насъ, женщинъ, вызвали на дворъ, когда всѣ арестанты-мужчины были уже приняты. Всѣ формальности были исполнены, и партія человѣкъ въ 400 тронулась въ путь. Женщины большею частью сидѣли на фурахъ; многія закрывались платкомъ, чтобы не узналъ, случайно проходящій знакомый. Какъ на улицѣ, такъ и на вокзалѣ стояла масса народа, вѣроятно, друзья и родственники отправляемыхъ.

Когда арестанты были размѣщены по вагонамъ, конвойные стали предлагать чай, который они продавали стаканами по пяти копѣекъ. Мало-по-малу арестанты обсушились и обогрѣлись. Духъ общительности пробудился среди компаніи, собранной въ вагонѣ. Послышался говоръ, сдѣлавшійся всеобщимъ. Сидѣли большею частью парами; каждая изъ арестантокъ бесѣдовала либо съ солдатомъ, либо съ «братикомъ», т. е. этапнымъ арестантомъ. Отношенія между заключенными того и другого пола въ тюрьмѣ, вообще, были любезныя, а иногда и трогательно-задушевныя: пересылались, при малѣйшей возможности, записочки, съ верхняго этажа, гдѣ было мужское отдѣленіе, спускалась на веревочкѣ къ дамамъ провизія, посыла-

лись даже по почтѣ письма. Знакомство, прежде урывочное, становилось теперь болѣе близкимъ. Странное впечатлѣніе производило это разнокалиберное общество, которое соединила тюрьма. Изъ одного угла донесся комплиментъ арестантанищаго по адресу своей сосѣдки, старой, но бодрой и веселой женщины, тоже нищей:

— Какая ты старуха? Около тебя онучи грѣть—и то въ пору.

На одной скамьѣ сидѣли Серафима и конвойный унтеръ-офицеръ и вели между собою долгій разговоръ. Серафима разсказывала о своей судьбѣ, изливала свою душу и подъконецъ не могла удержаться отъ слезъ. Собесѣдникъ ея, повидимому, старался ее утѣшить.

Въ другомъ углу Надежда перебрасывалась записками съ солдатами, находившимися въ вагонномъ отдѣленіи, дверь котораго была пріотворена.

Раздалась арестантская пѣсня:

Когда я былъ свободный мальчикъ,
Не зналъ ни горя, ни нужды;
Но баловство меня сгубило—
Я сбился съ правильной пути...

И затѣмъ:

Съ московскимъ замкомъ я спознался,
Въ которомъ три года сидѣлъ.
Сижу вечернею порою;
Лампада тусклая горитъ;
А за рѣшеткою желѣзною
У часоваго штыкъ блеститъ.

Пѣсня была подхвачена другими арестантами. На другомъ концѣ вагона запѣлъ молодой мужской голосъ:

Отворите окно, отворите:
Мнѣ недолго осталося жить.
Хоть теперь на свободу пустите,
Не мѣшайте страдать и любить!

Я посмотрѣла въ ту сторону, откуда слышалось пѣніе, и увидѣла юношу лѣтъ 18-ти, съ блѣднымъ, изнуреннымъ лицомъ. Грустная пѣсня какъ нельзя болѣе подходила къ его страдальческой наружности.

Рядомъ со мною сидѣла упомянутая выше Марья, женщина лѣтъ 28-ти, довольно симпатичная. Она любила читать и въ тюрьмѣ пользовалась моими книжками. Помѣщались мы съ нею тамъ вмѣстѣ въ такъ называемой «дворянской»: она потому, что всѣ другія мѣста были заняты, я же потому, что въ тюрьмѣ не было одиночнаго заключенія, каковое мнѣ полагалось. Высылалась она «за проституцію», и уже не въ первый разъ. Она все время сокрушалась и мучилась опасеніемъ, чтобы общество, къ которому она приписана, не постановило приговора о высылкѣ ея въ Сибирь; она часто шла этапомъ, а расходы падали на общество. Передъ прощаніемъ она попросила меня написать ей что-нибудь на-память. Я исполнила ея просьбу, и мы разстались. Сошла она на четвертой или пятой станціи.

Въ вагонѣ стало тише. Часть публики ѣхавшая на дальнія станціи улеглась спать; другіе же, которымъ предстояло скоро выходить на промежуточныхъ станціяхъ, бодрствовали, но говорили въ полъ-голоса, чтобы не мѣшать спать товарищамъ. Новыхъ арестантовъ принимали только на большихъ станціяхъ.

Въ Москву мы прибыли на слѣдующій день. Около вокзала ждало насъ нѣсколько телѣгъ отъ ломовыхъ извощиковъ и кое-кто изъ низшаго начальства. Когда вещи были уложены, осталась всего одна свободная телѣга. Началась борьба за немногія мѣста на телѣгѣ: до тюрьмы было далеко, а желающихъ ѣхать было больше числа мѣстъ. Старшій конвойный вмѣшался и распредѣлилъ мѣста по своему усмотрѣнію. Процессія тронулась. Мы шли по глухимъ закоулкамъ, гдѣ публики бываетъ мало; но и тутъ прохожіе смотрѣли съ любопытствомъ на наше шествіе. Одна барыня вынула изъ порт-

вонз какую-то бумажку и хотѣла передать арестанту, шедшему рядомъ со мною, но конвойный его оттолкнулъ, и дама осталась съ протянутой рукою. Арестантъ взъѣлся на солдата.

— Я вовсе не арестантъ, закричалъ онъ ему, я добровольно возвращаюсь этапомъ на родину. Ты не имѣлъ права это сдѣлать; я лучше тебя знаю законы—я самъ служилъ околодочнымъ надзирателемъ. Наконецъ, знаешь ты, что я дворянинъ?

Вскорѣ послѣ этого маленькаго приключенія мы очутились передъ большимъ зданіемъ съ большими желѣзными воротами. Это и была знаменитая «централка».

VIII.

Въ этой «централкѣ», гдѣ, по благопріятному стеченію обстоятельствъ, я также находилась въ общемъ заключеніи, хотя мнѣ, какъ политической ссыльной, полагалась одиночная камера, пахнуло на меня опять новымъ духомъ. Внутренній видъ, обстановка, содержаніе заключенныхъ, обращеніе съ ними представляли нѣчто совершенно иное. Мрачный видъ имѣли огромныя камеры съ асфальтовыми полами и стѣнами, выкрашенными въ желѣзный цвѣтъ. Каждая камера была уставлена подвижными нарами, на манеръ большихъ деревянныхъ скамеекъ; отдѣльная скамейка полагалась на каждую арестантку, но малыя нары, плотно сдвинутыя между собою, образовали одну большую подвижную эстраду. Не было ни сѣнниковъ, ни подушекъ, и кто не имѣлъ своей постели, спалъ на голыхъ доскахъ. Умываться приходилось въ грязной комнатѣ подъ грязнымъ рукомойникомъ, гдѣ арестантки украдкою стирали и свое бѣлье; сотни грязныхъ и, быть можетъ, больныхъ рукъ держали поршень, чтобы достать воды, не говоря ужъ о томъ, что поршня касалось грязное бѣлье. Между тѣмъ на корридорахъ вода была проведена въ краны, тщательно чистившіеся и постоянно блестѣвшіе; находясь на видномъ мѣстѣ и играя роль ка-

кихъ-то орнаментовъ, они пользовались въ нѣкоторомъ смыслѣ неприкосновенностью, и умываться подъ этими кранами строго запрещалось. Прогулка давалась арестанткамъ рѣдко. Я провела въ этой тюрьмѣ восемь дней, и за это время арестантки гуляли всего одинъ разъ, и то только, кажется, потому, что и самой надзирательницѣ захотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ на тюремномъ дворѣ.

Выписка продуктовъ изъ лавочки производилась только наканунѣ большихъ отправокъ, два раза въ недѣлю. Кое-какія мелочи продавали каторжанки, какъ-то бумагу, конверты, марки и даже страшно черствые калачи, которые онѣ получали послѣ работы въ прачешной. Калачи выдавались имъ изъ того самаго подаянія, которое, по-словамъ людей знающихъ, привозится въ тюрьму буквально цѣлыми возами. За время моего пребыванія въ тюрьмѣ я не видѣла, чтобы арестантки пользовались подаяніемъ, за исключеніемъ каторжанокъ, работавшихъ въ прачешной съ утра до вечера за пять копѣекъ въ день. Куда дѣвалось все остальное, что присылалось «отъ щедротъ своихъ» богатыми благотворителями, неизвѣстно.

Тюремный день начинался хриплыми звуками колокольчика, въ который кто-то звонилъ въ 6—7 часовъ утра. «Ахъ, ужъ этотъ мнѣ колоколецъ, говорила одна арестантка, индо тошно слушать!» Камеры оглашались криками: «повѣрка идетъ». Арестантки выходили въ корридоръ и становились по двѣ въ рядъ съ обѣихъ сторонъ корридора. Считались онѣ парами. Счетъ производился сначала младшей надзирательницею, потомъ повторялся старшею, а затѣмъ наступало долгое ожиданіе главнаго счетчика, т. е. старшаго надзирателя, который утромъ совершалъ повѣрку только одинъ. Придетъ онъ съ сердитымъ лицомъ, какъ подобаетъ начальнику, и считаетъ быстро, почти бѣгомъ. Если нужно было кого-нибудь побить, то это было ужъ его дѣло. Таковое занятіе, впрочемъ, составляло прерогативу не исключительно его

одного, но въ еще большей степени знаменитаго въ своемъ родѣ помощника начальника Хозарова, или «Косаря», какъ его звали тюремные жильцы. Въ продолженіе всего повѣрочнаго процесса требовалось полнѣйшее молчаніе въ корридорѣ. Но такъ какъ среди повѣряемыхъ были и дѣти, которыя, не будучи въ состояніи удержаться въ струнѣ цѣлыхъ полчаса, разбѣгались по корридору, то ихъ пугали Косаремъ: «Вотъ Косарь идетъ, уже возьметъ тебя». Ребята, тоже трепетавшіе передъ этимъ именемъ, въ ужасѣ возвращались на мѣсто.

Вообще битье здѣсь было въ порядкѣ вещей, и на этомъ поприщѣ подвизались и нѣкоторыя надзирательницы. Одна изъ послѣднихъ, высокая рыжая женщина, вѣчно кричавшая и вѣчно воевавшая съ арестантками, не ограничивалась однѣми мѣрами кротости; большіе ключи, которые она постоянно держала въ рукахъ, часто прогуливались по спинамъ арестантокъ. При мнѣ разъ произошелъ слѣдующій случай. Во время утренней повѣрки, когда всѣ ждали прихода главнаго счетчика, двое арестантокъ, стоявшихъ рядомъ, о чемъ-то между собою говорили. Рыжая надзирательница крикнула: «Молчать»! Арестантки продолжали говорить. Надзирательница повторила свое приказаніе, но разговоръ не прекращался. Видя такое упорство, она не рѣшилась сама вступить въ рукопашную; но когда пришелъ старшій, она подвела его къ провинившейся со словами: «Дай ей по мордѣ!» Звонкая пощечина оглушила весь корридоръ. Незадолго передъ тѣмъ была уволена, какъ говорили арестантки, «за крутой нравъ» старшая надзирательница, послѣ 20-ти-лѣтней почти службы. Случилось такъ, что тюрьму посѣтило одно высокопоставленное лицо, которое обратилось къ заключеннымъ съ обычнымъ вопросомъ, нѣтъ-ли какихъ-нибудь претензій. Нѣкая смѣлая арестантка, вмѣсто того, чтобы дать приличествующій въ подобныхъ случаяхъ стереотипный отвѣтъ «всѣмъ довольны, покорно благодаримъ», изложила, со слезами на глазахъ, всю правду о горькомъ тюремномъ житьѣ, вѣрныя свѣдѣнія о которомъ рѣдко доходятъ

до высшаго начальства. Арестантка была выслушана, а жалобы ея, будто-бы, записаны. Дерзкую арестантку потомъ, конечно, «сгноили въ карцерѣ» и, если вѣрить тюремнымъ разсказамъ, ее до того тамъ избили, что черезъ нѣкоторое время она умерла. Но и тюрьма немного свободнѣе вздохнула: старшую сиѣнили. Безъ сомнѣнія, увольненіе этой старшей послѣдовало отнюдь не по иниціативѣ непосредственнаго начальства, которое ставило служащимъ въ условіе «бить». Одна надзирательница, недавно получившая это мѣсто, со вздохомъ говорила мнѣ, что не знаетъ, съумѣетъ ли она удержаться. «Здѣсь велятъ бить, а я вотъ не могу», прибавила она. Это была добрая и обходительная женщина, старавшаяся ладить съ арестантками. Вдова съ дѣтьми, она, чтобы какъ-нибудь прожить, взяла мѣсто въ учрежденіи, гдѣ битье возведено въ систему, и гдѣ поощряются таланты палача; но подобная дѣятельность не шла къ ея кроткой натурѣ, и она употребляла всѣ усилія, чтобы лавировать между Сциллою и Харибдою.

Послѣ повѣрки происходила молитва, на которую каторжанки должны были «становиться» обязательно. Въ корридорѣ стоялъ большой иконостасъ, у котораго собирались каторжанки во главѣ съ одною изъ двухъ монахинь, дежурившихъ въ тюрьмѣ по очереди цѣлую недѣлю. Молитва обыкновенно продолжалась очень долго и задерживала выдачу кипятка арестанткамъ, изъ которыхъ многія еще до окончанія молитвы стояли съ чайниками наготовѣ, чтобы броситься въ первый же моментъ за кипяткомъ. Кубъ былъ небольшой, и приходилось нѣсколько разъ его кипятить, чтобы вся тюрьма напилась чаю. Въ 12 часовъ приносили обѣдъ, состоявшій изъ щей, каши и мяса; послѣднее, впрочемъ, оказывалось скорѣе de jure, чѣмъ de facto, такъ какъ обыкновенно съѣдалось въ отдѣленіи до обѣда не-арестантками. Тухлый и сырой хлѣбъ, выдававшійся арестанткамъ, ѣлся съ большимъ трудомъ. Щи разливались изъ котла въ деревянные боченки, приносившіеся прямо въ камеру; изъ одного боченка ѣло де-

сять человѣкъ. Картина такого обѣда отчасти напоминала кормежку звѣрей. Въ три часа арестантки получали вторично кипятокъ. Часовъ въ 6 происходила вечерняя повѣрка, и тюремный день кончался.

Вечерняя повѣрка отличалась несравненно большею сложностью, чѣмъ утренняя, такъ какъ въ ней принимало участіе и высшее начальство, въ лицѣ помощника и другихъ. Двадцать разъ считали, пересчитывали, кричали, ругались. Не дай Богъ, если кого-нибудь не досчитаютъ! Начинались поиски по камерамъ, и горе несчастной, если она гдѣ-нибудь мирно спала и не слышала грознаго возгласа «на повѣрку!» Въ такихъ случаяхъ непремѣнно побьютъ. Обыкновенно арестантки сами будили своихъ товарокъ, когда надо было выходить на повѣрку, но, конечно, не всегда могли замѣтить спящихъ. Сначала провѣряли въ мужскомъ отдѣленіи. Когда слышались стуки молотка о рѣшетку, то это значило, что началась повѣрка мужчинъ, или вѣрнѣе повѣрка у нихъ рѣшетокъ: насколько онѣ успѣли ослабѣть за день, и не задумалъли кто насчетъ приготовленій къ побѣгу? Все это время арестантки стояли выстроенныя въ корридорѣ и ждали. Надзирательницы страшно трусили и волновались. Но вотъ, наконецъ, пришло начальство. Старшій, по обыкновенію, считалъ; помощникъ же проходилъ мимо арестантокъ, принимая письма, прошенія и устныя заявленія.

Вообще арестантки избѣгали обращаться къ начальству съ просьбами или заявленіями, зная по опыту, что онѣ не встрѣтятъ ни внимательнаго отношенія къ своимъ нуждамъ, ни замѣтнаго участія къ своему тяжкому положенію. Сколько бились иногда арестантки, чтобы получить справку о своихъ мужьяхъ и дѣтяхъ, справку, отъ которой могла зависѣть участь цѣлаго семейства! Вмѣсто серьезнаго и прямого отвѣта на просьбу или вопросъ, вершители судебъ тюрьмы позволяли себѣ по временамъ неумѣстныя насмѣшки и циническія выходки. Вотъ образчикъ: зимою арестантки заявили помощнику,

что въ камерѣ очень холодно, и просили получше топить. «Ложитесь другъ на дружку — вотъ и тепло будетъ», былъ отвѣтъ, который нѣкоторыхъ арестантокъ насмѣшилъ, но многимъ показался прямо оскорбительнымъ.

Во время повѣрки (вечерней) приходилъ и врачъ, который записывалъ больныхъ. И къ нему арестантки обращались рѣдко, особенно тогда, когда хворали дѣти; боялись, что дѣтей отнимутъ въ больницу, совершенно отдѣльное отъ тюрьмы учрежденіе. Матери больныхъ ребятъ испивали горькую чашу. Одна пересыльная нѣмка, сосѣдка моя въ камерѣ, заявила доктору на вечерней повѣркѣ о нездоровьѣ своего четырехлѣтняго ребенка; докторъ слегка его посмотрѣлъ и записалъ въ больницу. Послѣ повѣрки, когда къ ней явились за ребенкомъ, она разсвирѣпѣла и наотрѣзъ отказалась его выдать. Боясь, чтобы его не взяли у нея силою, она стала инстинктивно прятать его за свою спину. Никакія слезы никакіе крики ея не помогли: ребенка взяли. Бѣдная мать металась послѣ этого, какъ сумасшедшая. Я посовѣтовала ей просить о томъ, чтобы ей позволили быть при ребенкѣ въ больницѣ, но въ этомъ ей отказали. За все время моего пребыванія въ тюрьмѣ она ничего не знала о судьбѣ своего несчастнаго ребенка. Она ходила какъ тѣнь, сдѣлалась раздражительною къ остальнымъ своимъ дѣтямъ, бѣгала въ коридоръ, обольщаясь надеждою получить хоть какую-нибудь вѣсть. Все было тщетно: никто не могъ ей дать ни малѣйшаго свѣдѣнія.—Еще меньше, повидимому, арестантки пользовались услугами тюремной акушерки, хотя она часто навѣдывалась къ арестанткамъ, требуя, чтобы онѣ, при ея входѣ тотчасъ-же вставали, каковая почесть доставляла ей сильное удовольствіе. Я не знаю случая, чтобы кто-нибудь къ ней обратился за совѣтомъ, хотя были тамъ и больныя. Этою-же акушеркою производился осмотръ арестантокъ, вновь прибывающихъ съ этапомъ. Ничто не можетъ быть нелѣпѣе и позорнѣе этого осмотра: въ каждой арестанткѣ предполагается

не то проститутка, не то сифилитичка, и все освидѣтельствованіе сводится къ ряду отвратительныхъ, но вовсе не соотвѣтствующихъ цѣли пріемовъ, имѣющихъ констатировать существованіе или отсутствіе исключительно одной только болѣзни, проистекающей большею частью отъ распутнаго образа жизни. Такимъ образомъ, пересыльной арестанткѣ, которая можетъ быть и безукоризненно порядочной женщиной, уже на самомъ порогѣ тюрьмы внушается, что на нее смотрятъ какъ-бы на падшее существо, по отношенію къ которому позволительны мѣры не только безцеремонныя, но прямо оскорбляющія чувство чести и стыдливости. Справедливости ради, я должна однако замѣтить, что указанный методъ осмотра арестантокъ практикуется и въ другихъ большихъ тюрьмахъ нашего отечества.

Я говорила уже, какъ сильно проникло въ тюремный обиходъ примѣненіе принципа «битья». Для каторжанокъ, сверхъ того, существовалъ особый видъ наказанія—«ставленіе на часы»; я говорю: для каторжанокъ, такъ какъ не видала, чтобы другихъ арестантокъ «ставили на часы». Наказаніе это заключается въ слѣдующемъ: провинившуюся заставляютъ стоять около столика, гдѣ сидитъ надзирательница, неопредѣленное время, иногда по нѣсколько часовъ. Наказаніе не столько тяжелое, сколько позорное. Со словъ каторжанокъ я знаю, что подобныя наказанія ихъ озлобляютъ.

Въ одну изъ вечернихъ повѣрокъ распространился слухъ, что придетъ Косарь. Слава о подвигахъ этого человѣка одно время гремѣла по всѣмъ тюрьмамъ Россіи; еще до прихода въ «централку» я такъ много о немъ слышала, что мнѣ хотѣлось на него посмотрѣть. Говорили, что онъ арестантовъ убиваетъ на смерть, что, если онъ кого побьетъ, (а это случалось весьма часто), то тотъ непремѣнно попадетъ въ больницу, что испытавшій на себѣ тяжесть его кулаковъ рѣдко поправляется. Вообще, онъ былъ грозою тюрьмы; каждый день я слышала разсказы въ родѣ того, что вотъ вчера онъ троихъ

каторжанъ побилъ, одному нѣсколько зубовъ сразу вышибъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ, по словамъ арестантокъ, ударилъ шашкою по головѣ одну заключенную такъ сильно, что она черезъ три дня послѣ этого умерла. Изъ-за этого случая его, будто-бы, назначили помощникомъ въ арестантскія роты, и тюрьма его долго не видала. Теперь онъ снова явился въ тюрьмѣ, но въ женскомъ отдѣленіи онъ бывалъ рѣдко; молва гласила, что само начальство его туда не пускаетъ, изъ опасенія какого-нибудь новаго баши-бузукаго поступка.

При словѣ «Косарь» у всѣхъ замерло сердце. Страхъ и трепетъ объяли тюрьму: трусили не только арестантки, но и надзирательницы, которыхъ Косарь третировалъ en canaille. Всѣ перешептывались. Моментъ его появленія приближался, и въ корридорѣ воцарилась мертвая тишина. Наконецъ, послѣ долгаго, напряженнаго ожиданія, на краю корридора показалась страшная фигура. Не успѣли еще притворить за нимъ дверь, какъ онъ сталъ въ позу командира и протяжно, отчеканивая каждый звукъ, закричалъ на весь корридоръ:

— Сволочи, молчать!

Моментъ былъ неподражаемый. Тишина, и безъ того гробовая, не могла сдѣлаться болѣе глубокой. Косарь былъ на видъ еще молодой человѣкъ; худой, высокаго роста, съ жесткимъ, суровымъ лицомъ. Онъ выступалъ важно, съ сознаніемъ своего всесилія. На меня онъ производилъ впечатлѣніе дикаго воителя, который только-что вернулся съ похода, гдѣ онъ удачно рубилъ направо и налѣво, пролилъ много крови и, оставивъ на полѣ битвы массу труповъ, съ наслажденіемъ думалъ о совершенныхъ дѣяніяхъ. Можетъ быть, эта выпуклая грудь и медленная походка создали весьма популярную въ тюрьмѣ легенду о томъ, что онъ носилъ панцырь.

— Къ нему тоже ужъ подбирались, говорила одна арестантка, да его, видишь, ничто не беретъ: потому, панцырь

носитъ мѣдный. Его, если взять, такъ только за горло или прямо въ лицо.

На этотъ разъ обошлось благополучно. Вздохъ облегченія пронесся по всему отдѣленію, когда за нимъ прикрыли дверь. Старшая надзирательница перекрестилась передъ образомъ. Гулъ пошелъ по камерамъ: арестантки говорили между собою о свирѣпомъ Косарѣ.

Этотъ рыцарь кулака терроризировалъ тюрьму довольно долго, пока не получилъ перемѣщенія по другому вѣдомству. Тутъ онъ отличился на первыхъ-же порахъ и за преступленіе по должности попалъ подъ судъ. Этимъ и закончилась его неистовая служебная карьера.

Таковы порядки въ «централкѣ», насколько я успѣла къ нимъ приглядѣться за время недѣльнаго пребыванія въ ней. Но и этого, кажется, достаточно...

IX.

Арестантки «централки» группировались въ два большіе отдѣла—ссыльныя и пересыльныя. Первыя, въ свою очередь, оффиціально дѣлились на «общественницъ», т. е. ссылаемыхъ по приговорамъ обществъ, «лишанокъ», т. е. высылаемыхъ въ Сибирь на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ, и каторжанокъ. Составъ пересыльныхъ постоянно и быстро измѣнялся; ссыльныя же образовывали болѣе осѣдлый элементъ населенія тюрьмы, дожидаясь многіе мѣсяцы, а то и цѣлые годы отправки на мѣсто назначенія. Ссыльныя арестантки меня болѣе интересовали, и съ ними я имѣла болѣе дѣла въ кратковременный періодъ нахожденія моего въ «централкѣ».

Значительную часть общественницъ составляли арестантки, отбывавшія срокъ «рабочаго дома», т. е. тюремнаго заключенія съ лишеніемъ особенныхъ правъ, и не принятыя своими обществами. Были и такія, которыя избѣгли осужденія, но которыхъ общество отвергло отъ себя, какъ негодныхъ членовъ. Одна молодая цыганка была выслана обществомъ за

соучастіе въ конокрадствѣ. Она разсказывала съ удивительною откровенностью о томъ, какъ она помогала своему мужу въ его воровскихъ экскурсіяхъ. Въ послѣдній разъ они, вмѣстѣ съ другими цыганами, орудовали около конюшни одного помѣщика. Лошади были выведены уже за ограду, но тутъ похитителей поймали. Она поджидала товарищей въ лѣсу на телѣгѣ. Одному изъ нихъ удалось бѣжать и сообщить ей о случившемся; такимъ образомъ она успѣла удрать домой. Къ суду привлекли и ее, но подкупленные ею свидѣтели показали ея alibi. Цыганка была оправдана, но общество ее сослало. Дѣти ея почему-то остались дома; но она ихъ вытребовала и ждала прибытія ихъ съ этапомъ. Нужно было видѣть, съ какимъ восторгомъ она ихъ встрѣчала. Когда партія пришла, и она увидѣла своихъ четверыхъ сыновей (изъ которыхъ старшему было 11 лѣтъ) на дворѣ, она запрыгала отъ радости и не въ состояніи была оторваться отъ окна, чтобы приготовить дѣтямъ чай. Когда ихъ привели, наконецъ, въ камеру, она просто не знала, что съ ними дѣлать. Она ихъ обнимала, цѣловала, напоила, накормила, переодѣла во все чистое. Когда надзирательница пришла за тремя старшими мальчиками, которые, по правиламъ, должны были помѣщаться въ въ особой камерѣ, мать прямо умоляла, чтобы ихъ хоть еще нѣсколько минутъ оставили при ней. Камера для мальчиковъ находилась въ томъ-же отдѣленіи. Каждый день приходили они къ матери чай пить и обѣдать. Въ «пріютѣ для дѣтей», находившемся рядомъ съ нашею камерою, помѣщалась также дежурная монахиня; тутъ же была и каторжанка, на обязанности которой лежали уходъ за дѣтьми и заботы о порядкѣ.

Около этого пріюта я часто встрѣчала въ корридорѣ дѣвочку, замѣчательно красивую, съ лицомъ изящнымъ и интеллигентнымъ. Разъ я ее спросила, за что она очутилась въ тюрьмѣ.

— Меня высылаютъ на родину, былъ ея отвѣтъ.

— Почему тебя высылаютъ?
— Не знаю.
— Чѣмъ ты занимаешься?
— Стрѣляю.
— Есть у тебя родные?
— Нѣту.
— Гдѣ же ты живешь?
— На Хитровкѣ.
— Куда же ты пойдешь, если у тебя нѣтъ родныхъ?
— Да такъ, въ деревню, а потомъ опять приду сюда.

Отвѣты свои она давала съ улыбкою и не безъ нѣкоторой гордости. Говорила она вовсе не какъ ребенокъ, а между тѣмъ ей было всего 12 лѣтъ.

Много было такихъ общественницъ, которыхъ постигла ссылка только потому, что провинились ихъ мужья и родственники. Одна женщина 24-хъ лѣтъ уже девять мѣсяцевъ томилась «въ этомъ аду», какъ она выражалась, въ ожиданіи отправки на Сахалинъ, куда женщины идутъ только разъ въ годъ. Еще до осужденія ея мужа, сельское общество постановило приговоръ о высылкѣ въ Сибирь всего его семейства и близкихъ родственниковъ. Такимъ образомъ его родители, сестры, братья и жена попали въ Тобольскую губернію, гдѣ они прожили долгое время, ничего не зная о судьбѣ заключеннаго. Наконецъ, они получили отъ него письмо, посланное имъ ужъ по прибытіи на Сахалинъ. Послѣ этого молодая женщина подала прошеніе о своемъ желаніи послѣдовать за мужемъ. Разрѣшеніе было дано, и ее этапнымъ порядкомъ препровели въ «централку», откуда предстоялъ путь на дальній востокъ. Въ камерѣ своей она была какъ-бы старостихою: раздавала хлѣбъ, приносила обѣды, слѣдила за порядкомъ. Ни манерами, ни разговоромъ, ни своимъ смуглымъ лицомъ не напоминала она деревенской женщины; она была дочь богатаго мужика и росла въ довольствѣ. Жизнь въ тюрьмѣ, со всѣми своими особенностями и мелочами, ей

опротивѣла (это она жаловалась на «колоколецъ», а также на «воющую» монахиню), и она буквально чахла. Больно было смотрѣть на ея сгорбленную фигуру, на ея измученное, тоскующее лицо. Жила она вся въ прошедшемъ, любила разсказывать про свое прежнее счастливое житье, про любовь къ ней мужа и нѣжныя отношенія между ними. По какой-то странной случайности я напоминала ей мужа, и этого было достаточно, чтобы она меня полюбила.

— Господи, хоть-бы Богъ привелъ увидѣть его! Ужъ даромъ, что измучилась. Лишь-бы отсюда вырваться, изъ этого ада, а тамъ ужъ не долго: всего-то, говорятъ, плыть шесть недѣль.

Эта милая, добрая женщина готова была перенести какія угодно лишенія, лишь бы поскорѣй увидѣть своего мужа, котораго она такъ сильно любила?

Въ одной камерѣ съ этой женщиною находилась ея товарка изъ одной съ нею деревни, тоже высланная по приговору общества въ Сибирь, по привлеченіи ея мужа къ тому-же дѣлу, по которому былъ осужденъ мужъ первой. Она ужъ разъ была доставлена въ «централку», послѣ того какъ она высказала желаніе послѣдовать къ мужу на Сахалинъ. Она имѣла съ собою троихъ дѣтей, изъ которыхъ старшей дѣвушкѣ было лѣтъ 16. Въ «централкѣ» она раздумала ѣхать къ мужу и подала прошеніе о томъ, чтобы ее отвезли обратно въ Тобольскую губернію; но на дорогѣ въ одной изъ попутныхъ тюремъ, она опять передумала и рѣшилась ѣхать на Сахалинъ. Вотъ ея разсказъ о томъ, какъ она это устроила.

— Пришла я туда, и захотѣлось мнѣ опять къ мужу. Я и говорю смотрителю: «Ваше благородіе, тамъ мнѣ не такъ написали прошеніе-то; я сказала, что хочу дочь отправить обратно на родину, какъ она малолѣтняя, они взяли да меня съ ребятами сюда». Значитъ, онъ за меня хлопоталъ; меня обратно сюда и пригнали. Да еще уговаривалъ дѣвку-то въ

деревню не посылать, а взять съ собою; а я и не думала ее отправить. Вотъ, матушки мои, какъ все это вышло.

— Отчего-же ты раздумала за мужемъ-то слѣдовать?

— Да какъ тебѣ сказать, дѣло мое ужъ не молодое. Да тутъ старикъ одинъ попался въ партіи съ нами, ну и погадалъ онъ мнѣ на рукѣ. Съ мужемъ твоимъ, говоритъ, ты ужъ не увидишься. Ну, я и стала думать.

Вмѣстѣ съ этой женщиною изъ той-же попутной тюрьмы была возвращена обратно дѣвочка лѣтъ 15-ти, оставшаяся единственно въ живыхъ изъ многочисленнаго семейства, слѣдовавшаго по общественному приговору въ Сибирь и сдѣлавшагося всецѣло, за исключеніемъ этой дѣвочки, жертвою тифа, свирѣпствовавшаго въ тюрьмѣ.

Въ камеру нашу ввели цѣлое семейство общественниковъ, именно старуху-мать, нѣсколькихъ дочерей и сноху съ тремя ребятами, а на мужскомъ отдѣленіи былъ старикъ. Мужъ молодой женщины былъ осужденъ въ каторгу, и потому все его семейство выслали въ Сибирь отъ общества. Всѣ они были измучены обрушившимся на нихъ несчастьемъ; болѣе же всѣхъ томилась молодая женщина, не вѣдавшая, гдѣ ея мужъ, и что съ нимъ. Она хотѣла за нимъ послѣдовать, но не знала, кого и какъ спросить. Ее надоумили справиться, нѣтъ-ли ея мужа здѣсь въ тюрьмѣ. Она такъ и поступила и ждала отвѣта съ нетерпѣніемъ; но надзирательницѣ, къ которой она обратилась, было чуждо пониманіе ея горя, пониманіе жизненнаго для нея значенія поднятаго ею вопроса, и справка, по запамятованію или равнодушію, откладывалась въ долгій ящикъ. Бѣдная женщина волновалась, плакала, бранилась со свекровью, накидывалась на невинныхъ дѣтей и кричала имъ въ сердцахъ: «Уйдите отъ меня, постылые!» Она часто бѣгала въ корридоръ и смотрѣла тамъ въ окно къ арестантамъ, надѣясь какъ-нибудь случайно увидѣть своего мужа, но все напрасно. Одна каторжанка справилась у своего «друга» про ея мужа и получила отвѣтъ, что онъ въ боль-

ницѣ. Она стала было веселѣе, но скоро опять впала въ прежнее уныніе: на слова каторжанина трудно было полагаться.. «Вотъ кабы надзирательница сказала, я-бы ужъ тогда навѣрное знала. Можетъ, онъ ошибся, вѣдь не одна камера для всѣхъ». Тутъ она еще разъ подошла къ окну, гдѣ иногда караулила цѣлые часы, и ей показалось, что она видитъ въ противоположномъ окнѣ лицо своего мужа. Она опять пришла сіяющая, хотя это не вязалось съ прежнимъ сообщеніемъ, что онъ въ больницѣ. Вдругъ имъ объявили о назначеніи ихъ къ отправкѣ. Ей посовѣтовали подать заявленіе о своемъ желаніи послѣдовать за мужемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просить о дальнѣйшемъ оставленіи въ тюрьмѣ. Прошеніе было написано и отдано старшей. Насталъ день. Къ этапу вызвали все семейство, а вмѣстѣ съ ними молодую женщину съ ребятами. Она вся поблѣднѣла и шла на этапъ, какъ на казнь. Когда очередь дошла до нея, ей объявили, что она остается въ тюрьмѣ. Радости ея не была конца. Не знаю, гдѣ она увидѣла своего мужа — въ тюрьмѣ или ужъ на Сахалинѣ.

Были въ тюрьмѣ и женщины-бродяги. Съ одною изъ нихъ, особою еще молодою, я какъ-то разговорилась и спросила, какъ ея фамилія. «Объ этомъ не сказываютъ», былъ ея отвѣтъ. Вопросъ мой относился къ фамиліи, подъ которою она идетъ; она же поняла его такъ, что я добиваюсь узнать, кто она въ дѣйствительности.

Болѣе важныя преступницы обыкновенно ссылаются по уголовнымъ дѣламъ, возникающимъ на почвѣ семейнаго разлада, и, такъ какъ въ громадномъ большинствѣ этихъ дѣлъ фигурируютъ убійство и покушеніе на убійство, караемыя каторгою, то лишенокъ попадается очень мало. При мнѣ были въ тюрьмѣ только двѣ арестантки, ссылаемыя на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири за преступленія, принадлежащія къ той же категоріи дѣлъ. Обѣ судились за поджогъ. Одна, женщина лѣтъ 30-ти, подожгла домъ своей

свекрови единственно съ цѣлью пойти въ Сибирь и такимъ образомъ избавиться отъ своего мужа, котораго она не любила и съ которымъ не хотѣла жить. Каждый разъ, какъ она уходила отъ него въ прислуги или на какую-нибудь работу, мужъ возвращалъ ее обратно домой этапнымъ порядкомъ. Вотъ, чтобы освободиться отъ власти мужа, она и рѣшилась на необыкновенный шагъ. Теперь она не знала, какъ радоваться своему новому положенію; жалѣла она лишь о своей шестилѣтней дѣвочкѣ, оставшейся у отца. Хороша, должно быть, была эта жизнь, когда она предпочла ей далекую Сибирь.

Другая лишенка шла за поджогъ имущества своего любовника изъ мести. О мужѣ, который хотѣлъ добровольно за нею послѣдовать, на что она не согласилась, она нисколько не жалѣла. Въ тюрьмѣ она чувствовала себя совсѣмъ хорошо и, подобно каторжанкамъ, завела знакомство съ арестантами-мужчинами по «телефону».

Подъ «телефономъ» разумѣлась въ централкѣ ежедневная операція соединеній между мужскимъ и женскимъ отдѣленіями при помощи веревки съ привязанными къ ней записочками, которая спускалась съ верхняго этажа, гдѣ сидѣли мужчины, въ средній, гдѣ находились камеры для женщинъ. Полученная такимъ образомъ почта кѣмъ-нибудь изъ арестантокъ сейчасъ-же передавалась по назначенію, и къ веревкѣ привязывался другой «телефонъ» отъ женщинъ. Общеніе между заключенными того и другаго пола въ «централкѣ» было сильно развито. Кромѣ «телефона» пускалась въ ходъ и мимика: окна женскаго корридора выходили какъ-разъ противъ оконъ корридора мужскаго отдѣленія (тюремный корпусъ имѣлъ форму четырехугольника съ дворикомъ посреднѣ). Оконныя знакомства доходили иногда до того, что, если дѣло было не между осужденными въ каторжныя работы, то въ финалѣ происходила свадьба. Что касается каторжанъ и каторжанокъ, которымъ вообще въ тюрьмѣ по закону воспрещено вступать

въ бракъ, то они въ соотвѣтственныхъ случаяхъ просятъ начальство «соединить бумаги». По разъясненію одной каторжанки, мѣра эта имѣетъ слѣдующее значеніе: «Если намъ бумаги соединятъ, то, значитъ, какъ пошлютъ въ одно мѣсто—по сибирскому тракту, либо на Сахалинъ, а тамъ мы можемъ уже пожениться; многіе такъ дѣлаютъ». Мнѣ разсказали слѣдующій случай, происшедшій въ централкѣ. Одна общественница, сидѣвшая долго въ ожиданіи отправки, познакомилась черезъ окно съ арестантомъ, тоже общественникомъ, и оба подали прошеніе о разрѣшеніи вступить между собой въ бракъ. Результатъ ихъ просьбы былъ благопріятный, и имъ дали свиданіе. Между тѣмъ къ вѣнцу было уже все приготовлено; куплены кольца, сшито необходимое бѣлье, невѣстѣ подарены платья—все на деньги жениха. Но свиданіе, увы, имѣло роковыя послѣдствія для невѣсты, такъ какъ женихъ, доселѣ знавшій ее издали, теперь убѣдился, что она некрасива и совсѣмъ не молода. Женихъ отказался отъ свадьбы и потребовалъ обратно подарковъ. Этимъ и кончилось курьезное сватовство.

Каторжанки, число которыхъ было во много разъ больше числа другихъ ссыльныхъ арестантокъ, взятыхъ вмѣстѣ, составляли въ тюрьмѣ особую, замкнутую касту, отнюдь не смѣшивавшуюся съ другими пересыльными арестантками. Имъ была отведена особая камера, для нихъ существовали особые порядки, онѣ были подчинены особо строгому режиму. Всѣ онѣ были одѣты въ бѣлое: бѣлыя коленкоровыя юбки, такія же кофты и бѣлые платки. Онѣ не могли отказываться отъ работъ, если начальство этого требовало, и вообще онѣ исполняли обязанности тюремной прислуги: одна завѣдывала кубомъ, другая лампами, третья прислуживала въ «дѣтскомъ пріютѣ», каждый день нѣсколько десятковъ каторжанокъ отправлялось на прачешную, гдѣ онѣ, какъ выше сказано, работали съ ранняго утра до вечерней повѣрки. Каторжанки обязаны были «становиться на молитву». Какъ мы также

видѣли, онѣ были подвержены особому виду наказанія— «ставленію на часы». Въ исключительныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ за «буйство» или послѣ попытки къ побѣгу, на безсрочныхъ каторжанокъ надѣвались и кандалы, впрочемъ, кажется, только въ пути. Мнѣ разсказывали, что до меня въ тюрьму пришла одна каторжанка въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ. Она почти ни съ кѣмъ не говорила, только лежала на нарахъ и стонала. По корридору ей стыдно было проходить, такъ какъ всѣ съ любопытствомъ останавливались при брянчаніи кандаловъ. Прошло двѣ недѣли. Само начальство ей посовѣтовало подать прошеніе въ губернское правленіе о снятіи съ нея оковъ. Просьба ея была удовлетворена, кандалы сняты, а вмѣстѣ съ тѣмъ ее опредѣлили въ больницу. Вскорѣ она умерла.

— Отчего же она померла? спросила я арестантку-разсказчицу.

— Значитъ, отъ кандаловъ-то у ней все наболѣло, да и сраму много приняла.

Изъ множества каторжанокъ, сидѣвшихъ въ централкѣ, только незначительное меньшинство судилось за поджоги, грабежи и тому подобныя преступленія, громадное же большинство шло за мужеубійство и покушенія на нихъ. Притомъ изъ всей почти массы этого рода арестантокъ я видѣла лишь двухъ, которыя не признавали себя виновными. Одна, осужденная въ каторгу на восемь лѣтъ, говорила:

— Хотѣла знакомымъ услужить, а теперь расплачиваюсь. Оставили у меня вещи, которыя я запрятала у себя въ шкафъ. Кто ихъ зналъ, что вещи награбленныя!

По разсказу другой, осужденной на четыре года, дѣло было такъ. Одолжилъ у нея сосѣдъ 40 рублей на покупку лошадей, обѣщая деньги возвратить въ скоромъ времени, но денегъ онъ ей долго не отдавалъ. Гостя въ деревнѣ на праздникахъ (она служила въ городѣ прислугою), она опять тянула сосѣда, чтобы онъ заплатилъ, но безуспѣшно. «Я ему

и говорю: пусть хоть твой парнишка меня отвезетъ въ городъ, чтобы не пришлось платить, а ты мнѣ засчитаешь. Ладно, говоритъ. Запрягъ это онъ пару лошадей, тѣхъ самыхъ, что купилъ на мои деньги. Поѣхали мы. Парнишка ѣдетъ медленно, а было уже девять часовъ вечера. Я все его подталкиваю: поѣзжай, молъ, скорѣе; а онъ, знай себѣ, медленно плетется. Отъѣхали мы всего десять верстъ, а до города осталось еще верстъ пятнадцать. Зло меня взяло; сбросила я мальчишку съ козелъ, поѣхала одна, а его оставила по дорогѣ. Въ городѣ я лошадей и телѣгу продала за 45 рублей. Прошло уже порядочно времени. Пріѣхала я въ деревню къ своимъ, меня вызываютъ въ волостной судъ. Ну, тамъ поговорили, покричали и присудили, чтобы я ему 15 рублей заплатила; а я говорю, что дамъ только пять—тѣ деньги, что остались отъ продажи телѣги. Онъ же говоритъ, что одна телѣга ему 15 рублей стала. Подалъ онъ къ мировому. Судья говоритъ: миритесь. Я согласна; проситъ онъ уже 25 рублей, я же даю 15, какъ присудилъ волостной судъ. Пусть, говоритъ, лучше дальше идетъ; я и не знаю чего. Потомъ ужъ я хотѣла дать ему 25—не беретъ. Такъ меня и осудили. Вотъ и маюсь за свои-же денежки. А со мною вѣдь сынъ 18 лѣтъ».

Что касается каторжанокъ, осужденныхъ, по ихъ выраженію, «за мужей», то среди нихъ я не встрѣчала ни одной, которая отрицала-бы свое преступленіе; но я не видѣла также ни одной, которая-бы раскаивалась или сожалѣла о случившемся. Глядя на эти молодыя, веселыя лица, какъ-то не вѣрилось, что онѣ — убійцы. Тамъ была, напримѣръ, одна 19-лѣтняя женщина, ударившая своего спящаго мужа утюгомъ по головѣ; она пошла на 20 лѣтъ каторги. Драматическія исторіи, завершающіяся страшною кровавою развязкою, какъ мужеубійство, обыкновенно имѣютъ какую-нибудь романтическую подкладку, которая въ концѣ концовъ приводитъ къ тюрьмѣ и гибели, послѣ катастрофы, одного изъ любовниковъ или обоихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, по реформированіи нашего

брачнаго права, число подобныхъ преступленій безконечно сократилось-бы.

Каторжанки только и живутъ въ тюрьмѣ сношеніями съ арестантами, заигрываніемъ съ конвойными солдатами и вообще интригами амурнаго свойства: это—та поэзія, которая хоть нѣсколько подогрѣваетъ ихъ безпросвѣтное существованіе. Матеріалъ для впечатлѣній давали и ежедневные приходы и отходы партій. Окна женскаго отдѣленія выходили на тотъ дворъ, куда собирали къ этапу арестантовъ. Черезъ окна было видно, что тамъ дѣлалось: какъ обыскиваютъ арестантовъ при отправкѣ, и какъ отбираются вещи, не принимаемыя конвоемъ, какъ напримѣръ подушки, шерстяныя и шелковыя вещи у каторжанокъ, книги, кромѣ духовныхъ, словомъ все то, что признается для арестанта, въ особенности каторжнаго, роскошью; вещи эти продавались за безцѣнокъ. Въ особенности непріятно было зрѣлище забиванія какой-нибудь ослабѣвающей клепки на кандалахъ: арестантъ садится на землю, нога его кладется на желѣзную колодку, а когда начинаютъ прибивать, то такъ и кажется, что вотъ-вотъ ударятъ по ногѣ. Каторжанки смотрѣли въ окна, переговаривались съ конвойными, бросали имъ записки, завернутыя въ хлѣбъ; другія провожали изъ окна друзей, которыхъ онѣ пріобрѣли въ тюрьмѣ и съ которыми заранѣе было условлено, что кого отправятъ раньше, тотъ долженъ ждать въ какой-нибудь извѣстной тюрьмѣ по дорогѣ. Одной изъ каторжанокъ, красавицѣ-армянкѣ, назначенной на Сахалинъ, особенно понравился какой-то конвойный солдатъ, съ которымъ она говорила мимикою: она прикладывала руки къ груди, чѣмъ хотѣла показать, что она его любитъ; потомъ знаками-же показывала ему, что она пойдетъ далеко. Тотъ такимъ же образомъ объяснилъ что проситъ написать. Она обратилась ко мнѣ и на ломаномъ русскомъ языкѣ продиктовала мнѣ слѣдующее:

«Зовутъ меня такъ-то. Мнѣ 24 года. Иду въ работы на

8 лѣтъ за мужа. Я тебя люблю. Приди, когда меня отправятъ. Иду на Сахалинъ. Цѣлую тебя. N.»

Конвойный схватилъ хлѣбный шарикъ, брошенный сверху, и, вмѣстѣ съ другимъ солдатомъ, ушелъ читать записку. Вскорѣ онъ вернулся и различными жестами показалъ ей, что онъ ее тоже любитъ и придетъ согласно ея просьбѣ.

Я уже говорила, что каторжанки занимались въ тюрьмѣ торговлею; грамотныя же, сверхъ того, извлекали доходъ изъ писанія писемъ, за которыя брали по 3—5 копѣекъ, глядя по человѣку. Узнавъ, что въ общественной камерѣ есть «грамотная барышня», каторжанки устремились ко мнѣ съ просьбами читать и писать записки, которыя получались и передавались «по телефону». Такимъ образомъ, я была введена въ сферу интересовъ и ознакомилась съ тайниками тѣхъ существъ, самое названіе которыхъ сдѣлалось браннымъ словомъ. Рано утромъ, еще до звона «колокольца», у моихъ наръ уже толпились арестантки-каторжанки, желая воспользоваться самымъ удобнымъ временемъ для движенія «телефона». Во всю остальную часть дня «почтовыя сношенія» происходили урывками и случайно. Придетъ ко мнѣ каторжанка, садится; напишешь или прочтешь ей записку, а потомъ начинается разговоръ.

— Вы куда идете?—спроситъ она.

— Въ Вологодскую губернію.

— Надолго-ли?

— На три года.

— А я вотъ иду въ работы на 12 лѣтъ за мужа.

Послѣднія слова она произнесетъ, понизивъ голосъ, какъбы прося сожалѣнія, или же просто потому, что этимъ замѣчаніемъ вызываются непріятныя воспоминанія.

Пересылаемыя записки, которыхъ я прочла и написала въ продолженіе недѣли несчетное множество, были почти всѣ похожи другъ на друга по формѣ и содержанію. Вотъ одинъ образчикъ:

«Поздравляю Васъ съ добрымъ утромъ. Желаю Вамъ всего хорошаго и успѣха въ дѣлахъ Вашихъ. Увѣдомляю Васъ, милая Матрена Ивановна, что письмецо Ваше получилъ. А то, что Вы пишете, что у Васъ не имѣется табаку, то я Вамъ пришлю изъ своего. Еще увѣдомляю Васъ, что шапочку получилъ, за что и благодаримъ покорно. Цѣлую Ваши сахарныя уста.

Иванъ Степановъ Семеновъ.»

Начало письма всегда посвящено поздравленію съ добрымъ утромъ, а потомъ уже говорилось въ письмѣ о дѣлахъ. Каллиграфія и правописаніе, конечно, сильно страдали, а иногда положительно затрудняли чтеніе письма; въ такихъ случаяхъ каторжанки-арестантки сами помогали въ чтеніи, какъ-будто зная заранѣе, что въ письмѣ должно дальше слѣдовать.

Кромѣ записокъ любовныхъ, посылались и ругательныя. Одна каторжанка получила записку, состоящую изъ сплошной брани; не было никакой возможности прочесть вслухъ такое посланіе, и я ей просто сказала, что ея корреспондентъ ругаетъ ее за предполагаемую измѣну, ибо она смотритъ на другихъ каторжанъ и переговаривается съ ними. Она сейчасъ догадалась, что на нее насплетничала другая каторжанка.

Такимъ образомъ, несмотря на толстыя стѣны, отдѣляющія мужчинъ отъ женщинъ, тамъ влюбляются и ревнуютъ, цѣлуются, измѣняютъ, волнуются и ссорятся, словомъ на бумагѣ продѣлывается въ тюрьмѣ все то, что происходитъ между людьми на волѣ.

Если каторжанка пріобрѣла себѣ «друга», то онъ ее обыкновенно поддерживалъ матеріально. Арестанты-мужчины всегда менѣе нуждаются, чѣмъ женщины; у послѣднихъ нѣтъ тѣхъ способовъ наживы въ тюрьмѣ, какъ майданы и картежная игра, которая въ такомъ ходу у мужчинъ. Женщины обыкновенно вязали своимъ «друзьямъ» шапочки, нѣчто въ родѣ фесокъ для покрытія бритой головы; онѣ дѣлали имъ подстилки изъ войлока и другія вещи. Болѣе крупныя посылки, которыя труд-

но было транспортировать «по телефону» отъ мужчинъ къ женщинамъ и обратно, передавались прямо черезъ контору.

Нѣкоторыя изъ каторжанокъ, очутившись въ «централкѣ», имѣли уже готовыхъ «друзей»—или прежнихъ любовниковъ, съ которыми сообща совершили преступленіе и съ которыми продолжали поддерживать близкія отношенія, надѣясь на лучшее будущее, или же новыхъ пріятелей, пріобрѣтенныхъ по дорогѣ. Въ самой тюрьмѣ новыя знакомства завязывались путемъ созерцанія черезъ окна, всякаго рода мимики и непосредственнаго собесѣдованія у угловыхъ оконъ. Съ тою-же цѣлью употреблялся и слѣдующій оригинальный методъ. Придетъ въ тюрьму каторжанинъ, вникнетъ въ духъ и смыслъ тюремныхъ обычаевъ и потомъ напишетъ съ десятокъ и болѣе писемъ, адресуя ихъ, напримѣръ, «каторжанкамъ на прачешную». Во всѣхъ десяти или двадцати письмахъ говорится одно и тоже, приблизительно слѣдующее:

«Въ первыхъ строкахъ моего письма кланяюсь Вамъ и желаю всего хорошаго. Еще кланяюсь Вамъ съ любовью. Пришолъ я третьяго дня. Иду въ работы на десять лѣтъ. Ваше бѣлоснѣжное лицо я видѣлъ у окна. Я Васъ люблю; отпишите мнѣ, какъ Вы располагаете. Отвѣтъ отпишите на имя Ивана Непомнящаго, что сидитъ въ такомъ-то корридорѣ и знакомъ съ каторжанкой Прасковьей Андреевой.

По гробъ вѣрный Вамъ
Иванъ Михайловъ Григорьевъ.»

Письма эти циркулируютъ въ камерѣ каторжанокъ, пока не найдется-таки желающая вступить въ знакомство и переписку.

Одно время каторжанокъ сильно смущалъ вопросъ, куда лучше итти—на Сахалинъ (или, какъ онѣ произносили, на Сахàлинъ) или по сибирскому тракту.

— Не знаю теперь, какъ быть (говорила мнѣ одна каторжанка). Говорятъ, скоро отправка. Мой-то назначенъ на Сахалинъ, уговариваетъ и меня туда-же проситься.

— А развѣ пошлютъ, если просить будете?

— Какъ-же, на Сахалинъ, кто просится, посылаютъ. Нонѣче, говорятъ, много нашихъ туда отправятъ.

Вопросъ для каторжанокъ былъ, дѣйствительно, жгучій. Двѣ невѣдомыя страны, о которыхъ, сверхъ названій, онѣ знали только то, что сибирскій трактъ—«сухопутъ», а на Сахалинъ моремъ ѣдутъ,—какую изъ нихъ выбрать? Многихъ влекло на «трактъ» то, что «будетъ веселѣе»: партія—общая съ мужчинами, на Сахалинъ же отправляютъ каторжанокъ отдѣльно отъ мужчинъ. Съ другой стороны, о Сахалинѣ тоже шли заманчивые разсказы: путь недолгій, хотя и страшный, живется тамъ вольготно, подъ замкомъ долго не держатъ, пайки выдаются хорошіе. Наконецъ, у многихъ расчеты осложнялись соображеніями о «другѣ». Итакъ, надъ мудреннымъ вопросомъ долго ломались головы. Въ это критическое время «телефоны» летѣли отъ мужчинъ къ женщинамъ и обратно необычайно оживленно. Мужчины, искусившіеся въ тюремной наукѣ, совѣтовали какъ поступить, чтобы избѣгнуть Сахалина и слѣдовать по «тракту». Но врядъ-ли совѣты могли помочь. Каторжанокъ стали вызывать въ пріемную, гдѣ докторъ ихъ осматривалъ и давалъ свое заключеніе, имѣвшее рѣшающее значеніе при опредѣленіи мѣста отправки. Всѣ, въ томъ числѣ и каторжанки, знали, что молодыхъ и здоровыхъ женщинъ отправятъ на Сахалинъ. У нѣкоторыхъ изъ каторжанокъ, не желавшихъ итти на Сахалинъ, была еще слабая надежда, что имъ, быть можетъ, удастся достигнуть перемѣны маршрута, такъ какъ гдѣ-то въ пути медицинскій осмотръ производится вторично.

Впослѣдствіи я читала въ газетахъ, что изъ «централки» въ этомъ же году послѣдовало на дальній востокъ 80 каторжанокъ. Очевидно, надежда многихъ изъ нихъ итти «по тракту» не оправдалась.

Въ день отправки пріемка партіи конвоемъ началась въ два часа утра, такъ какъ поѣздъ отходилъ въ семь часовъ. Зачѣмъ-то опять водили къ доктору, зачѣмъ-то онъ щупалъ у арестантокъ железы подъ подбородкомъ — значитъ, опять искалъ сифилиса. Все шло въ обычномъ порядкѣ: выкликали, осматривали вещи и можно было думать, что благополучное начало будетъ увѣнчано благополучнымъ-же концомъ. Но вотъ одинъ молодой арестантъ заявляетъ старшему надзирателю, что у него въ камерѣ украли шапку. Не знаю, была-ли то шапка казенная, или его собственная. Не успѣлъ еще арестантъ договорить, какъ тяжелый ударъ по его лицу, огласившій весь дворъ, ознаменовалъ вступленіе «старшаго» въ свойственную ему стихію. Удары сыпались за ударами, арестантъ же смиренно стоялъ, принимая ихъ какъ нѣчто должное. Наконецъ, бѣдный арестантъ заплакалъ и началъ что-то говорить, но пощечины заглушали его слова. Долго-бы еще продолжалась эта сцена, еслибы конвой не поторопилъ арестанта и не остановилъ такимъ образомъ кулачнаго бойца.

Партія вышла часа въ четыре, а на вокзалъ прибыла въ шесть часовъ. Но еще много времени потребовалось, что бы хоть немного улеглось впечатлѣніе отъ дикой расправы, происшедшей на моихъ глазахъ. И подобное варварство процвѣтаетъ не въ какомъ-либо медвѣжьемъ захолустѣ, а въ громадномъ городѣ, въ одной изъ самыхъ большихъ тюремъ нашего отечества, черезъ которую ежегодно проходятъ десятки тысячъ арестантовъ, и гдѣ позволительно было бы ожидать менѣе азіатчины, чѣмъ гдѣ-бы то ни было...

Марія Шефферъ.

Якутскъ.

Издательство „ШИПОВНИКЪ". СПБ. Б. Конюшен. 17.
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

А. СЕРАФИМОВИЧЪ. У ОБРЫВА.—А. КУПРИНЪ. БРЕДЪ.
С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ. ЛѢСНАЯ ТОПЬ.—Н. ГАРИНЪ. КОГДА-ТО...—БОР. ЗАЙЦЕВЪ. ПОЛКОВНИКЪ РОЗОВЪ.

II.

ГОРОДЪ: В. БРЮСОВЪ. Городъ. (стихотвореніе). М. ДОБУЖИНСКІЙ. Городъ. Будни. Праздникъ. (рисунки). Л. БАКСТЪ. Улица. (рисунокъ). Н. РЕРИХЪ. Городъ. (рисунокъ)

III.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

В. МУЙЖЕЛЬ. Пока...—А. КОЙРАНСКІЙ. Холодъ.—И. БУНИНЪ У истока дней.—БОР. ЗАЙЦЕВЪ. Май.

II.

СТИХИ.

ИВ. БУНИНЪ.
СЕРГ. ГОРОДЕЦКІЙ.
АЛ. БЛОКЪ.

III.

АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА. „Смерть" 6 рис. въ краскахъ.

IV.

СЕНТЪ ЖОРЖЪ ДЕ-БУЭЛЬЕ. Король безъ вѣнца.
Разрѣшенный авторомъ переводъ съ франц. Зин. Венгеровой и В. Бинштока.

Редакція альманаховъ „Шиповника", имѣя въ виду объединить въ своемъ изданіи все значительнѣйшее изъ современнаго искусства, нашла необходимымъ привлечь къ участію въ альманахахъ художниковъ и литераторовъ не только Россіи, но и Запада. Въ третьей книгѣ ею помѣщается новое произведеніе Октава Мирбо.

Цѣна 1 р. Въ переплетѣ 1 р. 25 к.

Издательство „ШИПОВНИКЪ". СПБ. Б. Конюшен. 17.
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

Вор. Зайцевъ. Сборникъ разсказовъ:
Волки. Мгла. Тихія зори. Священникъ Кронидъ. Хлѣбъ. Люди и Земля. Деревня. Миѳъ. Черные вѣтры. Завтра! **Цѣна 50 коп.** (Распродано).

С. Сергѣевъ-Ценскій. Сборникъ разсказовъ. Томъ II (Печатается).

В. Муйжель. Разсказы. Томъ I. (Печатается).

Ѳ. Сологубъ. Мелкій бѣсъ. Романъ. Обложка М. Добужинскаго. Цѣна 1 р. 75 к.

Шаломъ Ашъ. Городокъ. Поэма изъ еврейской жизни въ Польшѣ. Единственный разрѣшенный авторомъ переводъ съ еврейскаго. Цѣна 75 к.

Е. Тарасовъ. Сборникъ стиховъ. Томъ II. (Печатается).

Г. Чулковъ. Анархическія идеи въ драмахъ Ибсена.
Цѣна 30 к.

М. Штирнеръ. Единственный и его собственность. Съ предисловіемъ А. Горнфельда.
Цѣна 1 р. 25 к.

Байронъ. Каинъ Перев. И. Бунина. Обложка В. Чемберса. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 50 к.

Издательство „ШИПОВНИКЪ". СПБ. Б. Конюшен. 17.
соціально-политическій отдѣлъ.

К. Марксъ. Къ критикѣ политической экономіи. Съ предисл. К. Каутскаго. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изд. и предисл. къ русск. изд. П. П. Румянцева. Цѣна 90 к.

БИБЛІОТЕКА РЕВОЛЮЦІОННАГО СИНДИКАЛИЗМА.

Гюберъ Лягарделль. Революціонный синдикализмъ. Авторизированный переводъ съ рукописи. Ц. 40 к.

А. Лабріола. Реформизмъ и синдикализмъ (Реформизмъ и соціальная революція). Съ пред. автора къ русск. изд. Перев. съ итальянск., подъ ред. и съ послѣсловіемъ А. Луначарскаго. Цѣна 1 р.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПАМФЛЕТЫ.

А. Луначарскій. Три кадета. Цѣна 40 к.

А. Амфитеатровъ и Е. Аничковъ. I. Побѣдоносцевъ, какъ общественный дѣятель. II. Побѣдоносцевъ и православная церковь. Цѣна 50 к.

А. Амфитеатровъ. Современныя сказки. Цѣна 55 к.

А. Луначарскій. Пять фарсовъ для любит. Цѣна 40 к.

Ѳ. Сологубъ. Политическія сказочки. (Разошлось).

Н. Троцкій. Туда и обратно. 1. Вмѣсто предисловія. 2. Отъ Петербурга до Березова. 3. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ по этапамъ. 4. Мой побѣгъ— 800 верстъ на оленяхъ. Въ текстѣ рисунки автора. Цѣна 60 к.

Парвусъ. По тюрьмамъ во время революціи. (Печ.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СОВРЕМЕННАЯ МЫСЛЬ“.

Цѣна 60 коп.

Складъ изданія при издат. „ШИПОВНИКЪ“
Спб. Б. Конюшенная 17.